

Перевод с английского Андрея Сен-Сенькова

ШЛЮХИ СПЯТ КАК МЛАДЕНЦЫ

МОКРИЦА

«МОКРИЦА!» мог заорать мой отец,
а мать должна была бежать
за баночкой со специальным
раствором.

отец всегда находил
мокриц.
это бесконечное:
«МОКРИЦА!»
длилось днями,
годами.

я видел мокриц
тогда, вижу и сейчас,
но ни разу
не орал.

большинство из них любят
прятаться под ванной
или в темных влажных
местах.

я не
воспринимаю их
как угрозу для себя.

но градус истерики отца
по поводу обнаружения
мокриц
никогда
не снижался.

это продолжалось до смерти
матери,
потом отцу некому
стало орать.

затем умер и он.
в гробу отец выглядел
как –
ну, вы понимаете –
одна из них.

но я и здесь
не заорал.

ВОЗДУШНЫЕ ШАРИКИ

сегодня они пристрелили парня,
торговавшего воздушными шариками
на перекрестке.

припарковав машины
у бордюра,
они подозвали
его.

он
подошел.

они стали спорить
о цене
на шарик, требуя
снизить
цену.

он сказал, что не может.

один из них начал сыпать
оскорблениями.

другой вынул пистолет
и выстрелил
в голову
дважды.

парень замертво
упал
на асфальт.

они забрали воздушные шарик,
сказав «теперь у нас
вечеринка», и
уехали.

там, на перекрестке, были и другие ребята,
торговавшие,
в основном,
апельсинами.

они ушли.
их не было
на перекрестке на следующий день,
и на следующий день, и
на следующий.

никого не было.

ТЕ УТРА

я все еще помню тех новоорлеанских крыс
на балконных перилах
в темноте раннего утра
и, как понимаю, ждавших моего похода
в туалет.
там всегда была парочка
огромных,
неподвижно сидящих. иногда они
чуть-чуть шевелились,
чтобы потом вновь замереть.
я смотрел на них, а они смотрели на
меня.
им было не страшно.

дверь в туалет открывалась
и из нее выходил
кто-то из жильцов,
всегда смотревших на меня хуже чем
крысы,
потом он спускался
в вестибюль,
а я, мучась похмельем,
заходил в вонючий
туалет.

и почти всегда,
когда я возвращался,
крыс уже не было.
стоило забрезжить свету,
они
улетучивались.

а дальше
начинался мой
мир
и, спускаясь вниз по лестнице
ко всему вот этому,
к своей нищенской зарплате,
к своей жалкой
работе,
я вспоминал
крыс,
им было лучше,

чем
мне.

я шел на работу и всходило
теплое солнце,
а шлюхи спали
как
младенцы.

МУЖЧИНА С ПРЕКРАСНЫМИ ГЛАЗАМИ

в детстве
был странный дом
всегда сумрачный
всегда
притягательный
и там никогда не были слышны
голоса
и во дворе заросшим бамбуком
нам нравилось
играть
притворяясь
Тарзанами
(не смотря на то что среди нас не было
Джейн).
и там был
огромный
пруд
который заполняли
самые толстые золотые рыбки
из всех что я видел
и они были
ручными.
они поднимались
к поверхности воды
и выхватывали кусочки
хлеба
из наших рук.

наши родители
говорили нам:
«никогда не подходите к этому
дому».
а мы, конечно же,
еще как подходили.
мы удивились если бы оказалось
что там кто-то живет.
недели проходили но мы
никогда никого
не видели.

и однажды
мы услышали
голос

донесшийся из дома
«ТЫ ПРОКЛЯТАЯ
БЛЯДЬ!»

это был мужской
голос.

следом
дверь
дома
резко распахнулась
и
вышел
мужчина.

он держал
литровую бутылку виски
в правой
руке.
ему было около
30.
во рту
была
сигара
и ему пора было
побриться.
его волосы
были взъерошены
и не расчесаны
он был
босиком
в майке
и кальсонах.
но его глаза
светились.
они
лучились
светом
и он произнес
«привет, маленькие
джентльмены,
надеюсь,
вы хорошо проводите
время?»

потом слегка
рассмеялся
и вернулся
назад
в дом.

мы ушли
вернулись назад в
к своим родителям
и вот о чем задумались.

наши родители
решили мы
запретили нам
подходить близко
к тому месту
потому что
не хотели
чтобы мы
увидели такого
мужчину
сильного настоящего
мужчину
с
прекрасными глазами.

нашим родителям
было стыдно от того
что они
не
похожи на этого
мужчину
вот почему они просили
не приближаться
к
дому.

но
мы возвращались
и к дому
и к бамбуку
и к ручным
золотым рыбкам.
мы возвращались
множество раз

многие
недели
но уже никогда
не видели
не слышали
того мужчину
вновь.

всегда
было сумрачно
и
всегда
было тихо.

но однажды
вернувшись из
школы
мы увидели
что
дом
сгорел
ничего
не осталось
лишь тлели
черные балки
фундамента
отправившись к
пруду
мы увидели
что там нет
воды
и толстые
оранжевые рыбки
мертвы
они
умерли.

мы вернулись в
родительский дом
и заговорили о
случившемся
и решили что
это наши родители
сожгли
тот дом

убили
их
убили
наших золотых рыбок
потому что все это
было слишком
прекрасно
даже бамбуковая
роща
была сожжена.
они
боялись
мужчину с
прекрасными
глазами.

а
мы боялись
что
в нашей
жизни
со всеми прекрасными
вещами
случится тоже самое
что никому
не будет
нужен кто-то
сильный
и прекрасный
как тот мужчина
что
другие никогда
не позволят повторения прекрасного
и что
большинство людей
просто
сдохнут.

ВЕЛИЧАЙШИЙ АКТЕР НАШИХ ДНЕЙ

он становится все толще и толще
почти облысел
сзади у него
пучок волос
который он скручивает
и скрепляет
резинкой.

у него есть поместье на холмах
и у него есть поместье
на островах
и лишь небольшое количество людей
видит его постоянно.
кое-кто считает его величайшим
актером наших
дней.

у него очень немного друзей
действительно немного.
они и еда
любимые его
развлечения.

очень редко он дотягивается
до телефона
обычно
чтобы выслушать предложение сняться в
исключительном (как
он говорит)
фильме.

он отвечает очень мягким
голосом:

«о, нет, я больше не хочу
сниматься в кино...»

«можем ли мы отправить вам
сценарий?»

«хорошо...»

больше

он никогда не услышит
об этом фильме.

обычно
после еды
он со своими друзьями
делает вот что
(если вечер прохладный)
они немного выпивают
и смотрят на сценарии
горящие
в камине.

или
отужинав (в
теплые вечера)
и немного
выпив
достают
замороженные
сценарии
из
холодильника.
он раздает их
друзьям
какие-то держит в руках сам
затем они
вместе
с веранды
бросают сценарии
как летающие блюдца
в даль
в просторный
каньон
лежащий визу.

потом
все они
возвращаются
инстинктивно
зная
что сценарии
были
плохими. (по крайней мере,
он чувствует это а

они
допускают
что так и есть.)

это по-настоящему
правильный
мир там:
заслуженный
самодостаточный
и
тяжело
поддающийся
каким-то
переменам.

там
все время
едят
пьют
и
ждут смерти
как
и все
остальные.

УДИВЛЕНИЕ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ

всегда кого-то удивляет
когда убийца оказывается привлекательным
тихим парнем с мягкой улыбкой
посещающим церковь
отличником-
студентом
который хорош на спортивной
площадке
гордостью своих предков
обожаемым девчонками
и старушками
им восхищаются
коллеги.

«я не могу поверить что он сделал это...»

они всегда ждут что убийца должен
быть уродливым огромным неприятным
что он должен подавать знаки или
сигналы свирепости и
безумия.

иногда такие тоже
убивают

но потенциального убийцу никогда нельзя
вычислить
по внешним признакам

также как политика священника или
поэта.

как собаку
и женщину
виляющих
хвостами.

убийца может сидеть где угодно
как и ты
читающий это

с удивлением.

ПРОКЛЯТИЕ БУКА

старая с каждым днем, начинаешь париться,
что не сможешь получить новые водительские
права, париться, что похмелье становится
с каждым разом все продолжительней, париться,
что можешь не дожить до 85-ти,
париться, что стихи перестанут
писаться.
париться от того, что паришься.

париться от того, что можешь умереть в
спа.

париться от того, что можешь умереть
на трассе, ведя
машину.

париться от того, что можешь умереть в своем
собственном плавательном бассейне.

париться от того, что потеряешь
оставшиеся
зубы.

париться больше от того, что умрешь,
а не от самой смерти.

париться от того, что люди перестанут
считать тебя опасным, когда ты
пьян.

париться от того, что забудешь, кто
твой враг.

париться от того, что забудешь, как
смеяться.

париться от того, что нечего будет
пить в аду.

и ты паришься от того, что
будешь слушать
поэтические чтения,
еще
и еще...

поэтов Лос-Анджелеса

поэтов Нью-Йорка
поэтов Айовы

черных поэтов
белых поэтов
поэтов-чиканос
поэтов третьего мира

поэтов-женщин
гомосексуальных поэтов
лесбийских поэтов
бисексуальных поэтов
асексуальных поэтов
поэтов-неудачников
известных поэтов
мертвых поэтов
каких угодно поэтов

паришься, что табло на тотализаторе
разлетится
в говно

и ночь никогда
не наступит.

ТАРАКАН

таракан притаился
на кафеле
пока я мочился
а когда я повернул голову
он потащил свою задницу
в щель.
я достал баллончик и брызгал
брызгал брызгал
пока таракан не вылез
и не посмотрел на меня зловеще.
затем он свалился вниз
в ванну и я зафиксировал
смерть
с нескрываемым удовольствием
потому что это я плачу за квартиру
а не он.
я поддел его
сине-зеленой туалетной
бумагой и смыл.
вот собственно и все
что случилось за исключением того
что на пересечении Западной Авеню
и Голливуда это наша
обычная практика.
говорят придет день
и это племя
унаследует планету
но пока мы будем делаем так
им придется
отложить план на несколько месяцев.

БОЛЬШОЙ МАКС

в средней школе
Большой Макс был проблемой.
мы сидели во время ланча
ели свои бутерброды с арахисовым маслом
и картофельные чипсы.
у него были густые брови и
волосы торчали из ноздрей, а губы
блестели от слюны.
он уже носил ботинки 43-ого
размера. майка обтягивала его
массивную грудную клетку. его запястья были
в два раза толще обычных. он вышел
из тени за гимнастическим залом,
где сидели я и мой друг Эли.
«вы, пацаны», он остановился, «вы, пацаны,
сидите, втянув плечи!
вы гуляете, втянув
плечи! даже когда уходите отсюда зачем вы
продолжаете втягивать плечи?»

мы ничего не отвечали.

затем Макс посмотрел на меня.
«встань!»

я встал, а он зашел ко мне за спину
и сказал «подними свои
плечи вот так!»

и он треснул меня по спине.
«вот так! чувствуешь себя лучше?»

«да, Макс.»

затем он ушел, а я принял свою
обычную осанку.

Большой Макс был уже готов к
этому миру.
и нас от этого тошнило.

ТЯЖЕЛАЯ СУДЬБА И ВРЕМЯ СИЕСТЫ

мой друг волнуется, что умрет

он живет в Сан-Франциско,
я в Лос-Анджелесе.

он отправляется в гимнастический зал
тягает там железо и лупит
по большой боксерской груше.

старость сразу же покидает его.

он не может пить из-за
своей печени.

он может отжаться
50 раз.

он пишет мне
письма,
в которых говорит,
что я единственный,
кто слушает его.

само собой, Хэл, отвечаю я ему
открыткой.

но я не собираюсь платить все эти
вступительные взносы в гимнастический зал.

я иду в постель
с сэндвичем из
ливерной колбасы и лука
в час дня.

после сэндвича
я дремлю
а вертолеты
и грифы
кружат над моим
продавленным матрасом.

ЗОЛОТЫЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ

мой дед был высоким немцем
и у него странно пахло изо рта.
он всегда стоял вытянувшись
у фасада своего маленького дома
и жена ненавидела его
а дети считали странным.
мне было шесть когда мы впервые увиделись
и он отдал мне все свои военные медали.
во второй раз когда я его увидел
он отдал мне золотые карманные часы.
они были тяжелыми и я забрал их домой.
меня глубоко ранило
и я долго грустил
когда они перестали ходить.
я больше никогда его не видел
и мои родители никогда не говорили о нем
даже бабушка
которая давно
от него ушла.
однажды я все-таки спросил о нем
и они ответили
что он слишком много пьет
а мне он нравился
стоящим выпрямившись
у фасада своего дома
и говорящим «привет, Генри,
мы-то с тобой понимаем
друг друга».

СКРИПАЧ

он был на самой верхней трибуне
в самом ее конце
где все всплескивали руками
после каждого поворота.

это был маленький человечек
розовощекий, лысый, толстый
в свои 60.

он играл на скрипке
он играл классическую музыку на
своей скрипке
а зрители на ипподроме игнорировали его.

Банкир выиграл в первом забеге
а он играл на своей скрипке.

Умеющий Летать выиграл в третьем забеге
а он продолжал играть на своей скрипке.

я пошел выпить кофе и когда вернулся
он все еще играл и продолжил играть
когда Бумеранг победил в четвертом.

никто не останавливал его
никто не спрашивал зачем он это делает
никто не аплодировал.

и после Лапочки выигравшей в пятом
он продолжал
свою музыку спускающуюся
с верха трибуны вместе с ветром
и солнечным светом.

Звездно-Полосатый победил в шестом
а он играл
и Верная Надежда тотчас же
выиграла в седьмом
а скрипач трудился
и даже тогда когда Счастливый Майк принес 4 к 5 в восьмом
он музицировал.

после того как Денежная Богиня победила в последнем забеге

и все медленно двинулись к своим автомобилям
снося все на пути
скрипач продолжал
дарить свою музыку не смотря ни на что
а я сидел и слушал
мы оба были одинокими там
и когда он закончил я захопал.
скрипач встал повернулся ко мне
лицом и поклонился.
затем положил скрипку в футляр
собрался и пошел вниз по лестнице.

я следил за ним несколько минут
потом тоже поднялся
и медленно двинулся к своей машине.
приближался вечер.

МЫШИ

отец поймал мышат
они были живы когда он
побросал их в горящую
печь
одного за другим.
огонь разгорелся
и я хотел толкнуть туда
отца
но в мои 10 лет
сделать это
было невозможно.

«ну, вот, они и сдохли», - сказал он мне,
«я их прикончил».

«не надо было этого делать», -
ответил я.

«ты хочешь, чтобы они носились
по всему дому?
они срали бы повсюду,
разнося болезни!
и что бы ты вообще с ними
делал?»

«они бы стали моими домашними
животными».

«домашними животными!
да что, черт возьми, с тобой
не так?»

огонь в печи
погас.
было слишком поздно.
все закончилось.

мой отец снова
победил.

ПЕКАРИ 1935-го ГОДА

мы с матерью и отцом
раз в неделю
отправлялись в магазин
за едой, которая нам полагалась от государства:
банки с фасолью, банки
с сосисками, банки с рагу,
немного картофеля, немного
яиц.
мы складывали добычу
в большие
пакеты.

а, возвращаясь из магазина,
мы всегда останавливались
у
большого
окна,
в котором было видно
пекарей,
месивших
обваленное в муке
тесто.
их было пятеро,
пятеро здоровенных юношей,
стоящих на
пяти деревянных табуретках,
работающих напряженно
и не смотрящих вниз.
они подкидывали тесто
вверх
и оно принимало всевозможные
формы и
размеры.

мы были всегда голодны
и смотреть на людей,
занимавшихся
подбрасыванием теста,
было, действительно,
удивительным занятием.
но наступало время
уходить
и мы брели дальше,

таща свои тяжелые
пакеты.

«у этих ребят есть работа», -
говорил отец.
он повторял это всякий раз.
всякий раз, когда мы
смотрели на пекарей,
он повторял это.

а мать каждый раз
говорила
«я думаю, что нашла новый рецепт
приготовить рагу».
иногда она говорила то же самое
о сосисках.
мы ели яйца
по-разному:
жареными, вареными, вкрутую.
самым любимым нашим блюдом
было рагу с яйцами вкрутую.
но в конце концов
пришло время,
когда и это есть мы уже не могли.
картофель мы тоже и жарили,
и запекали,
и варили.
но он не так быстро
надоел
как рагу, яйца и
фасоль.

однажды, вернувшись домой,
мы разложили все наши продукты
на кухонных полках
и уставились на них.
потом вместе отвернулись.

«я пойду и ограблю
банк!», - внезапно произнес
отец.

«о, нет, Генри, пожалуйста!», -
воскликнула мать, -
«пожалуйста, нет!»

«мы должны жрать
отбивные, мы должны жрать
отбивные так много, чтобы они
лезли у нас из ушей!»

«но, Генри, у тебя же нет даже
пистолета!»

«я буду держать что-нибудь в кармане пальто,
а они подумают, что это пистолет!»

«у меня есть водяной пистолет, -
влез я, - «можешь взять его».

отец посмотрел на меня
и заорал «а ты ЗАТКНИСЬ!»

я отошел.
сел на ступеньки.
я слышал их разговор,
но не слишком
отчетливо.

затем голоса
стали громче.

«я придумаю, как приготовить всё
по-новому!», - кричала мать.

«я пойду и ограблю чертов
банк!», - кричал отец.

«Генри, пожалуйста, ну, пожалуйста, не надо!»
снова услышал я мать.

потом я поднялся со ступенек
и отправился гулять.
был полдень.

ГОЛОД

я голодал много раз,
но особенно,
как мне сейчас помнится,
в Нью-Йорке.
наступил вечер,
а я стоял перед
витринным окном
ресторана.
сквозь стекло
я смотрел на запеченную свинью,
безглазую,
с яблоком во рту.
несчастливая, проклятая свинья.
несчастный, проклятый я.
позади нее
за ресторанными столиками
сидели
люди,
они разговаривали, ели и пили.
я не был одним из них.
я больше был похож на свинью.
мы с ней оба оказались в неправильном
месте
в неправильное
время.
я представил себя в витрине,
безглазым, запеченным, с яблоком
во рту,
и что меня подают на стол.
«эй, у него не слишком большой зад!»
«его руки слишком тонкие!»
«я вижу его ребра!»
я отошел от окна
и отправился к себе домой.
у меня еще оставалась комната.
пока я шел,
гадал:
смогу ли я съесть бумагу?
какую-нибудь газету?
тараканов?
может поймать крысу?
сырую крысу.
содрать шкуру,

вытащить кишки,
вытащить глаза,
отрезать хвост и голову.

нет, я сдохну
от какой-нибудь ужасной крысиной болезни!

я продолжал идти.
я был так голоден,
что все выглядело съестным:
люди, пожарные гидранты, асфальт,
наручные часы...
мой ремень, моя рубашка.

я вошел в дом
и поднялся по лестнице
в комнату.

сел в кресло.
отвернулся от света.
сидел и поражался тому,
насколько же я безумен,
и тому, что ничем не могу
помочь себе.
голод внезапно прекратился,
но я продолжал сидеть.
затем услышал,
как в соседней комнате
начала ебаться пара.
до меня доносились стоны
и скрип пружин.

я поднялся, вышел из комнаты
и вновь оказался
на улице.
я шел
куда глаза глядят,
но так, чтобы снова не столкнуться
со свиньей в окне.
я постоянно думал о ней
пока не понял, что
умру гораздо скорее,
чем попробую
ее.

начался дождь.
я посмотрел вверх,
открыл рот и стал ловить капли
дождя... суп небес...

и услышал
«эй, гляньте на парня!».

тупые суки, подумал я,
тупые
суки!

я закрыл рот
и двинул дальше.

КОЛОКОЛА

вскоре после выстрела в Кеннеди
я услышал звон колоколов
наэлектризованный звон колоколов
я подумал что вряд ли это в церкви
на углу
слишком многие ее прихожане
ненавидели Кеннеди.

а мне он нравился
и подойдя к окну
я продолжал думать что возможно всем уже надоело бояться
трусливого стрелка
возможно русская православная церковь
что стоит вверху по улице
говорит об этом
своим колокольным звоном?
а звук медленно
приближался и приближался
и я вновь подумал что же это?
и вот в окне
я увидел
маленький квадратный фургончик
с крошечным мотором
спускающийся со скоростью две мили в час
по улице.

ЗАТОЧКА НОЖЕЙ

было криво написано красным карандашом
на фанерных боках
а внутри сидел старичок
смотрящий вперед.
женщины не вынесли свои ножи
женщины были раскрепощены и теперь точили свои ножи
сами.
фанерный коробок
полз вниз по улице
словно в агонии
повернул направо в сторону бульвара Нормандия
и исчез.

мои собственные ножи были тупыми
и я не был раскрепощен
и боялся что где-то там может скрываться еще один

трусливый стрелок.

много позже я подумал
а ведь я все же слышал
колокола.

СВЕРЧКИ

у судьбы звук приближающегося
циклона

женщина через дорогу
начинает
ругаться
и кричать

она кричит на ребенка

она прочищает свою
глотку

я наклоняюсь вперед
чтобы взять коробок спичек
и зажечь
сигарету

и снова слышу ее крики

она бьет ребенка

ребенок кричит

потом все стихает

и единственное что я слышу
это как стрекочут
сверчки

на планете Земля
той куда явился Христос
и
у которого никогда не было
секса ни с женщиной
ни с
мужчиной.

УГОВОР

она рассказывает: «звоню я Гарри,
а трубку берет его подружка. спрашиваю -
можно Гарри к телефону?

а девка говорит, что Гарри сейчас
нет.

я такая - ну, хорошо,
позвоню ему позже.

но подруга отвечает -
слушай, я должна тебе кое-что сказать.

Гарри
умер».

когда-то Гарри и моя нынешняя женщина были
любовниками. у Гарри слабое сердце
и, рано или поздно, что-то должно было
случиться.

помолчав, она сказала мне
«знаешь, у нас был уговор:
Гарри пообещал,
что когда умрет,
однажды придет ко мне
и расскажет
про жизнь после смерти.
знаешь, я думаю,
что смогу поделиться с тобой
тем, что он поведает».

«о, правда?», - ответил я.

с того дня, каждое утро,
просыпаясь, я спрашиваю ее «ну,
Гарри приходил?»

я начал тревожиться по ночам.
ведь я могу увидеть призрак Гарри,
огромный, как Гималайский хребет,
срывающий с нас покрывала
и держащий
сердце в руке
или
еще что похуже.

я всю жизнь страдал от бессонницы,
но теперь
у меня,
по крайней мере, есть ради чего ждать
наступления утра.

КАРЛТОН-УЭЙ, ОТХОДЯЩАЯ ОТ ЗАПАДНОЙ АВЕНЮ

пока плата за жилье всюду повышается
в этом районе становится все больше
бедноты
люди на пособиях и дотациях
большие семьи с плохой работой
странные одинокие люди
престарелые пенсионеры
и все ждут смерти.

здесь среди массажных салонов
ломбардов
магазинов с бухлом
мы заблудились в смоге и убожестве.
даже собаки выглядят
обессиленными
не лают
не ловят кошек
и кошки гуляющие вверх и вниз
по улице
никогда не ловят птиц
птиц здесь и не видно
но они есть
их можно услышать только
под утро
полчетвертого
после того как последняя шлюха
заработает последние деньги.

плата за жилье растет и здесь
но по сравнению с большинством
мы живем считай бесплатно
потому что никто не хочет жить рядом
с такими как мы.
ни у кого из нас нет новых машин
большинство из нас ходит пешком
и нам плевать кто побеждает
на выборах.

но здесь также
как и в других местах
есть те кто бьют жен
как и в других местах
есть те кто бьют детей

есть сексуальные извращенцы
и телевизоры
как и в других местах.

и так же как другие
мы тоже умираем
только немного раньше
мы едим так же как и другие
только еда наша дешевле
и лжем
так же как и другие
только не сильно напрягая
воображение.
и хотя наши шлюхи не выглядят
так же хорошо как ваши жены
я считаю что наши кошки наши птицы наши собаки
лучше ваших
и не забывайте о низких
ценах на жилье.

В ЗООПАРКЕ

самец-жираф
хочет
но самка не готова
самец склонился к ней
он очень хочет
он тычется в нее
следует повсюду
их маленькие головы подняты к небу
их глаза карие лужицы
шеи как скалы
они сталкиваются
расхаживают
два неловких создания
тянутся вверх
эти их глупые ноги
эти их глупые шеи

он хочет
а ей все равно
это боги создают
такие мгновения:
один хочет
другому все равно

а люди смотрят
бросают арахис и конфетные обертки
зелень и голубые леденцы

и им тоже все равно

так получилось что боги
поместили их всех вместе
сейчас.

СТО БАКСОВ

старуха с собакой
на поводке
спрашивает меня о
свободной комнате

ее одежда бесформенна,
грязна, изорвана, вся в заплатках

и ее собака запугана
ошарашена
растеряна
мелко дрожит.

я объясняю ей, что домовладельца
сейчас нет
но есть свободная комната
в конце коридора
на втором этаже
и стоит сто баксов.

сто баксов? – переспрашивает она

да
отвечаю
ей.

она
вздыхает...

спрашиваю
можно погладить
вашу собаку?

да
отвечает она.

собака
меня боится

она увертывается, отшатывается
и я делаю шаг назад.

они уходят вдвоем, мимо

домов с верандами.

медленно
спускаясь
в
сторону
Западной
Авеню.

в глазах
ее собаки
одинокости больше
чем у всех женщин, что я знал,
всех вместе взятых.

МАЛЕР

звонит телефон и кто-то говорит
«эй, они сняли фильм про
Малера. тебе надо посмотреть.
он был таким же ебанутым, как и ты».

телефон звонит снова. это кто-то
еще: «тебе надо сходить на
фильм про Малера. ты же любишь,
когда напьешься, потрепаться о его музыке».

это правда: мне нравится
заблудиться в музыке Малера,
в которой до сих пор есть
страсть.

он, должно быть, выглядел как
землетрясение, гуляющее
по улице.
к тому же, он был игроком и оставлял произведения
не законченными,

но я чувствую себя по-идиотски
в кинотеатре.
я снимаю свои
собственные фильмы.

я самый правильный немец:
я влюблен в музыку
великого еврея.

БЕЗЛИКОСТЬ

я ни разу не попадался,
пока меня однажды не остановили ночью,
и я не надыхал в трубочку
алкоголя, превысившего норму в два раза.
они надели на меня
наручники,
запихнули на заднее сиденье
патрульной машины
и отвезли в вытрезвитель
на Сто Пятидесятой улице Северного Лос-Анджелеса,
в Паркер-центр.

«чем ты занимаешься?», -
спросил меня тот, что не был
за рулем.

«я писатель», - ответил я.

«по мне так ты не похож
на писателя», -
сказал коп.

«о, я знаменит», -
заявил я.

«никогда о тебе не слышал», -
ответил коп.

«а я о тебе никогда не слышал», -
возразил я.

они припарковались, вытащили меня и
и отвели наверх.

«не, ты точно не выглядишь
как писатель», - повторил
коп.

внутри они сняли с меня
наручники.
они, в общем-то, были правы:
я не был знаменит
и откуда они могли знать,

как должен выглядеть
писатель.
зато я знал, как должны
выглядеть копы.
они и выглядели настоящими копами,
они были знамениты
и были похожи сразу
на всех копов
мира.

в вытрезвителе, набитом людьми,
как обычно, был
один унитаз без крышки
и телефон
с одним оплаченным звонком.
я воспользовался тем и другим.

ОТЗЫВЫ НА МОЮ ПОСЛЕДНЮЮ КНИГУ СТИХОТВОРЕНИЙ:

ты лучшее, что есть.
ты продался.
ты отстой.
моя мать ненавидит тебя.
ты роскошен.
ты лучший писатель на английском.
можно я приеду повидать тебя?
я пишу как ты, только лучше.
почему ты водишь БМВ?
почему ты больше не участвуешь в поэтических чтениях?
у тебя еще стоит?
ты знаешь Алена Гинзберга?
что ты думаешь о Генри Миллере?
ты можешь написать предисловие к моей следующей книге?
прилагаю фотографию Селина.
прилагаю карманные часы моего деда.
прилагаемую кофту моя жена связала в баварском
стиле.
ты напивался с Микки Рурком?
мне 19 лет и я могла бы прийти
убраться у тебя дома.
ты вонючий ублюдок, говорящий людям, что Шекспир
не интересен.
что ты думаешь о Нормане Мейлере?
почему ты обкрадываешь Хемингуэя?
почему ты придираешься к Толстому?
у меня сейчас тяжелые времена, но, когда выйду, я приеду
повидать тебя.
я думаю, что ты жополиз.
ты спас мою проклятую жизнь.
почему ты ненавидишь женщин?
я люблю тебя.
я читаю твои стихи на вечеринках.
все это в действительности происходило с тобой?
почему ты пьешь?
я видела тебя на скачках, но не стала беспокоить.
было бы здорово освежить наши отношения.
у тебя правда стоит всю ночь?
я могу перепить тебя.
ты крадешь у Шервуда Андерсона.
ты встречался с Эзрой?
я одинока и думаю о тебе каждую ночь.
какого черта ты нас дурачишь?

мои сиськи не очень большие, зато ноги отличные.
пошел на хуй, мужик.
моя жена тебя ненавидит.
прочти, пожалуйста, вложенные стихотворения и отзыв.
я опубликую все письма, что ты мне написал.
ты, ебаный дрочила, тебе никого не обмануть.

ЛЕГАВЫЕ

три мальчугана бегут ко мне
свистят
и орут
«вы арестованы!
вы пьяны!»
и начинают
бить меня по ногам
маленькими дубинками.
у одного даже есть
жетон. у другого
наручники, но мои руки подняты вверх.

когда я иду в магазин за бухлом,
они клубятся вокруг
как пчелы,
вылетевшие из улья.
я покупаю литр дешевого
виски
и
три
леденца.

СМЕРТЬ ИДИОТА

он разговаривал с мышами и воробьями,
его волосы были седыми уже в шестнадцать.
отец бил его ежедневно, а мать
ставила свечи в церкви.
бабушка приходила к нему, когда он спал,
и молила дьявола отпустить
внука,
а мать, слушая это, рыдала
над библией.

казалось, он не обращает внимания на девчонок,
казалось, он не обращает внимания на играющих мальчишек,
казалось, он вообще ни на что не обращает внимания,
и ему просто все не интересно.

у него был огромный уродливый рот с торчащими
зубами
и крошечные тусклые глаза.
плечи были опущены, а спина согнута,
как у старика.

он жил по соседству.
мы сплетничали о нем, когда скучали, но быстро
находили более интересные темы.
он редко покидал дом. мы могли бы
издеваться над ним,
но его отец,
здоровенный, наводящий ужас человек,
издевался над ним
вместо нас.

а однажды мальчишка умер. в семнадцать он все еще оставался
мальчишкой. смерть была встречена соседями
оживленно, но через три-четыре дня об этом
забыли.

но смерть, казалось, осталась среди
нас. мы часто говорили о ней
своими грубевшими голосами.
в шесть пополудни, перед наступлением темноты,
перед ужином.

и всякий раз, когда я еду через эти места,

спустя десятилетия,
все еще думаю о том умершем мальчишке,
хотя позабыл многие другие смерти
и много чего еще, что случилось
позже.

СЫРАЯ НОЧЬ

девушка.
она сидит там, хмурится.
я не знаю, что мне с ней делать.
идет дождь.
она встает и уходит.
ну, вот, черт, снова. я решаю
выпить и сделать радио погромче,
зажечь абажур
и закурить дешевую черную, горькую сигару,
привезенную из Германии.
кто-то стучит в дверь,
я открываю,
какой-то коротышка, стоя под дождем,
спрашивает
«вы не видели голубя на подоконнике?»
я отвечаю, что никакого голубя на подоконнике не видел,
а он просит меня, если увижу,
дать ему знать.
я закрываю дверь,
сажусь
и вдруг черный кот запрыгивает
через окно мне на колени
и начинает мурлыкать, я беру это прекрасное животное на кухню
и мы вдвоем едим
ломтики ветчины.
затем я гашу весь свет
и ложусь в постель,
а черный кот прыгает ко мне
и вновь мурлычет,
я начинаю думать, что хоть кому-то нравлюсь,
и в этот момент кот начинает ссать,
он нассал на меня, он обоссал все простыни,
моча с моего живота стекает по бокам
и я говорю: эй, да что с тобой не так?
я хватаю кота, тащу к двери
и выбрасываю его под дождь,
думая при этом, что очень странно,
но кошачья моча
была холодной словно дождь.
потом я звоню ей
и говорю «послушай, да что с тобой не так? ты потеряла
последние долбанные мозги?»
вешаю трубку и сдираю простыни с кровати,

ложусь и слушаю шум дождя.
иногда человек не знает, что делать.
и иногда лучшее это просто лежать
и пытаться не думать
ни о чем.

тот кот не был бездомным,
он носил ошейник против блох.
а я ничего не понимаю
в женщинах.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УЛЫБКЕ

у нас были золотые рыбки, которые плавали кругами
в банке, стоявшей на столе, рядом с тяжелыми шторами.
шторы скрывали вид из окна.

моя мама, всегда улыбающаяся и желавшая всем
счастья, говорила мне «будь счастлив, Генри!»
и она была права: если можешь,
будь счастлив,
но мой отец продолжал избивать ее и меня по нескольку раз
в неделю,
он сам не мог понять, откуда появлялась
внезапная ярость в его шестифутовом теле.

моя мама, несчастная рыбка,
избиваемая два-три раза в неделю, хотела быть счастливой,
хотела, чтобы я был счастливым, она говорила мне «Генри,
улыбайся! почему ты так редко улыбаешься?»

и показывала мне, как надо улыбаться, и это была
самая печальная улыбка, что я видел в жизни.

однажды золотые рыбки умерли, все сразу,
они всплыли брюшками вверх, их глаза
были открыты,
и когда отец вернулся домой, он скормил их кошке,
бросив на кухонный пол, а я смотрел, как мама
улыбалась.

БРАНДО

болтаем о
Марлоне Брандо
в постели
в десять тридцать утра
смотрю на бамбуковые стебли
они растут к северу от окна

я голый
она
в розовой ночной сорочке

белый потолок
белые стены

дождь прекратился
с востока светит солнце

мы болтаем о
Марлоне Брандо
в десять тридцать утра

и совершенный мир
неподвижен
как апельсин

как огромный апельсин

все неподвижно

я голый
она
в розовой ночной сорочке

мы болтаем о
Брандо

затем мы о нем
забываем

впрочем
он о нас
даже
и не думал.

мы встаем
и с наслаждением
завтракаем.

СМЕРТЬ СНЕГОВИКА

только однажды снег выпал
в Лос-Анджелесе
и мы слепили снеговика во дворе
у Нила, такого,
как мы себе всегда
представляли: глаза из изюма,
нос-морковка,
а винная пробка изображала
сигару во рту.

было 8

утра.

а к полудню

снег

начал таять

на крышах и

лужайках,

но наш снеговик

не растаял,

просто стал немного

меньше.

Нил решил, что нам надо

спрятать его в морозильник

родителей, чтобы он перестал

таять,

что мы и сделали.

следующий день снеговик

провел в морозильнике

позади дома

и уменьшился в размерах совсем

чуть-чуть.

он продолжал быть

счастьем и чудом

для нас четверых.

Нила, меня, Эдди и Джина.

мы тянули к нему руки, трогали

и восхищались.

мы понимали, что, возможно,

больше снега в Лос-Анджелесе

никогда не будет.

через 3-4

дня

после полудня
мы были дома у Нила,
когда услышали
его вопль «ОНИ КРАДУТ НАШЕГО
СНЕГОВИКА!»

мы не знали этих парней,
они были не из нашей
школы.
один из них держал снеговика
и бегал кругами
на заднем дворе у
Нила,
словно не знал,
куда ему нужно;
двор окружал
высокий забор.
этот парень
со снеговиком
и три его друга были
приблизительно нашего возраста.
мы подбежали к ним
и стали их лупить.
парень опустил
снеговика и включился
в драку.
они были хорошими бойцами,
но правда была на нашей стороне
и мы были как безумные,
так что они уступали нам,
а из их носов текла
кровь.
и хотя упряма им было
не занимать,
мы их отметелили.
трое
побежали,
а четвертый,
самый здоровый,
наклонился
и оторвал голову нашему
маленькому снеговику,
засунув ее себе в рот.
«ПРИКОНЧИТЬ ЕГО!» заорал Нил.
мы бросились за ним,

но он несся
вверх по дороге и,
поскольку у него были очень длинные ноги,
мы его
не догнали.

мы вернулись посмотреть,
что осталось от нашего снеговика.
во время драки
его затоптали.
все, что осталось, это
маленькие куски грязного снега.
«не пытайтесь это спасти!»
сказал Нил,
начав разбивать куски
и втоптывая остатки снеговика
в землю.
вскоре у нас под ногами
была просто влажная земля.

«откуда эти болваны
узнали о
нашем снеговике?» спросил Нил.

мы сидели рядом друг с другом,
когда домой вернулась мама Нила.
она
сразу прошла
к морозильнику.

«что случилось
со снеговиком?» спросила она.

«ничё», ответил Нил.

«не разговаривай со мной
таким тоном!»
сказала мама.

Нил сидел молча.

«ты слышал, что я спросила,
Нил?»

«ну, да...»

«сейчас же в дом!
зайди
немедленно!»

Нил встал и пошел
домой.
Эдди, Джин и я
тоже встали
и пошли в сторону
дороги,
и Джин повернул туда,
где он жил,
Эдди повернул туда,
где жил он,
а я отправился
к себе.
и мы не произнесли
ни слова,
даже
не попрощались.
мы знали,
что снега в Лос-Анджелесе
больше никогда
не будет.

КОМНАТА 22

я всегда любил старые отели с их скрипящими
лестницами
старые отели с безразличными управляющими
которые рады сдать тебе
к примеру
комнату 22.

открытое окно первое время
постоянно стучит
испарения с авеню
сбивают с ног
когдаходишь его закрыть
ты сидишь и смотришь как мигает светофор:
красный желтый зеленый
зеленый желтый красный.

второй этаж лучше всех:
в случае пожара
только две сломанных ноги
и еще один шанс в игре
под названием жизнь.

старые отели как старые женщины
более подходящие
более зрелые
более человечные
потому что не осталось никого
кто бы мог их покинуть.

они все одинаковые в Сент-Луисе
Канзас-Сити или Лос-Анджелесе.

сидя на продавленном матрасе
думаешь о тех многих
что жили здесь
которые возможно умерли и удивляешься
огромному количеству
мертвецов в комнате.

но в этом есть обаяние
особое обаяние в том
что сидишь на кровати
думая о целой неделе

впереди
а осталось только десять долларов.
и что все как всегда
что все как обычно.

вскоре раздастся стук в дверь и кто-то
обычно это беззубый старик
помашет почти пустой бутылкой
дешевого вина.

«заходи» скажешь ты.

и он окажется вполне себе
в его рассказах будет больше чувств
чем у твоего отца или у профессоров колледжа
они конечно бы с этим не согласились
ведь у него нет работы и
денег.

мне нравится моя новая комната
мне нравится капающий кран
мне нравится туалет в коридоре
мне нравится этот старик зашедший в гости
и скоро раздастся еще один стук
и это будет другой старик
а затем еще стук
и это будет женщина
не слишком старая
и она принесет водки.

вскоре
закурив
все начнут перебивать друг друга
станут входить и выходить
чтобы добраться до туалета
в коридоре.

кто-то настроит твое радио
и все заговорят громче.
так мило в комнате
22.

кого-то стошнит в
раковину.

первая драка начнется между двумя
семидесятилетними чуваками.
но ты
их остановишь.

ты поднимешь голову и увидишь управляющую
отелем
она тоже выпьет и держа
сигарету у рта
попросит всех быть потише
длинный столбик пепла упадет
на ее сорочку.

позже
проснешься один
в комнате забитой пустыми бутылками тишиной
высохшей блевотиной
недоеденной пищей и обертками конфет
разбросанными на полу и на
ковре.

ты встанешь
оденешься
спустишься по скрипящей лестнице
купишь газету
вернешься
снимешь обувь
заберешься в постель
и начнешь читать
раздел «требуется»
ища кому
нужны
экспедиторы
складские рабочие
помощники официанта
посудомойки.

эти старые отели
дают человеку шанс
радоваться сколько хочется
веселым ночкам
в комнате 22.

ДЕНЬГИ НЕ ПРИ ЧЕМ

я знаком с одним жокеем-суперзвездой, который внезапно заинтересовался литературой и однажды вечером у меня дома спросил «слушай, что посоветуешь почитать?». я ответил «ну, есть такой парень Селин, он написал книгу «Путешествие на край ночи».

через пару вечеров он позвонил «слушай, я не могу найти книгу ни в одном из магазинов» и я посоветовал, где отыскать Селина. как-то я встретил его на скачках и спросил «нашел книгу?» «да», ответил он. с того времени, встречаясь на скачках, я каждый раз спрашивал «прочитал уже книгу?» «нет», отвечал он.

в последнюю встречу он сказал «я не могу в нее въехать. она слишком скучная». «что?» «да. я отдал книгу жене» «хорошо. и как ей?» «она говорит, что книга депрессивная».

закончив играть в карты, я ехал домой и размышлял. он не может так говорить о Селине, только не о Селине. я перечитывал его множество раз дождливыми зимними вечерами после тяжелых рабочих дней в электрической компании Акме, упаковывая светильники в деревянные ящики. впервые читая книгу в своей комнате я громко смеялся над сошедшей с ума правдой, подпрыгивал на пружинах, вертелся и бил кулаком по матрасу, считая, что никто больше не может так писать, это начало, центр и край всего!

я по-прежнему встречаю жокея на скачках,
он хороший парень,
но
он не такой, как
я.
мы просто болтаем
о лошадях и пусть
все так и остается.

И ВЫПИВ ПРИ ЭТОМ

мы ехали по авеню Ла Бре и я спросил ее
«хочешь увидеть дом, где я прожил 15 лет,
пока был мальчишкой?»
«конечно», ответила она.
я поехал по Лонгвуд-авеню и припарковался
на соседней улице.
спустя 50 лет здесь
по-прежнему стоял
этот дом ужасов
дом тысячи побоев
дом зверства и несчастья.
«покажи, где была твоя кровать»,
попросила она.
мы прошли по лужайке,
той, которую я косил и поливал
750 раз.
мы дошли до соседского выезда.
«вот», сказал я «вот окно, откуда
я вылезал по ночам, и, кажется,
это то самое деревце, по которому я спускался.
Господи, пошли отсюда!»
мы вернулись к машине и уехали.
я был жертвой нелюбви
обоих родителей. и еще много чего
я был жертвой. и удача
с тех давних времен приходила ко мне
редко.

«ты ведь не хотел увидеть этот дом,
правда?», спросила она.
«это была моя идея», ответил я. «извини».
«милый, это ты извини».
«все кончено», сказал я «хоть какая-то часть прошлого
закончилась».

когда мы вернулись в свое жилище
и открыли дверь,
ангелы повыпрыгивали из мусорных корзин
и побежали по изношенному коричневому
ковру,
стены просто источали
свет и удачу,
когда она отправилась в ванную,

и я отплатил им тем же,
откупорив бутылку отличного
рислинга.

ВСЕ ХОРОШО

дешевая комнатка откуда ты
спускаешься вниз
в туалет могла бы показаться романтической
молодому писателю.
даже отсутствие наволочки
очаровало бы потому что он уверен
что
один из лучших.

и сидя здесь
глядя через комнату
на портативную печатную машинку
ждушую тебя на столе
ты чувствуешь
то
безумие

когда не мог дожидаться
наступления еще одной ночи чтобы сесть и
напечатать Бессмертные Слова – а сейчас
просто сидишь и думаешь об этом
после полудня в каком-то странном городе.

глядя на дверь
ты почти надеешься
а вдруг войдет прекрасная женщина.

молодость
помогает пройти
сквозь череду множества отвратительных
дней.

старость
тоже
помогает.

PANASONIC

я поубивал пауков в своем доме, но всех
не получилось. остались двое, до которых я не смог
добраться. они сидят внутри пластикового экрана
моего радио, между FM и AM шкалами, там,
где красная кнопка выбора радиостанций.

я слушаю только две лос-анджелесские
FM-станции, KUSC и KFAC, по очереди.
обе они передают классическую музыку.

эти паучки теперь пропитаны культурой. прошлой ночью
они слушали 9-ю симфонию Бетховена, а сейчас
наслаждаются 2-ой симфонией Брамса. я понятия не имею,
чем они там питаются, но выглядят паучки довольными.
их лапки время от времени шевелятся.

так радио делает их образованными. они уже выглядят
похожими на моих знакомых литературных критиков.
не в обиду будет сказано паучкам.

НАЧАЛО ИНТРИГИ

стихотворение с утиной головой
и ногами жирафа
с животом кита
змеиными глазами
и со стрелой в пупке
с паучьими лапками
шкуркой кролика
холодное как айсберг
с уродливой улыбкой
сверкающее белоснежными зубами
сидит в этой печатной машинке
и ухмыляется мне
словно парень хлопающий крышкой
мусорного бака неподалеку.
мне нравится это стихотворение
как оно смотрит на меня
мне не всегда нравится как
они на меня пялятся
из этой печатной машинки.
короче прощай парень
выбрасывай свой мусор
и шагай по улице
ошиваться возле лотков с тако
купи что-нибудь в книжном для взрослых
насладись своей свободой
может мир и будет принадлежать тебе
но я еще не закончил стихотворение.

ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ

слушай, спросил он, ты когда-нибудь видел кучу крабов
в ведре?

нет, ответил я.

так вот, там, время от времени, один из крабов
начинает ползти по другим вверх,
поднимаясь к краю ведра,
и в момент, когда он почти у цели,
другой краб хватается за него и сбрасывает
вниз.

в самом деле? - спросил я.

в самом деле, и это похоже на нашу работу, никому
не хочется, чтобы кто-то свалил
отсюда. это правила
нашего почтового отделения!
верю тебе, сказал я.

затем подошел диспетчер и сказал
вы, ребята, много болтаете,
на работе болтовня
запрещена.

я провел здесь одиннадцать с половиной
лет.

я поднялся со стула, встал рядом
с диспетчером,
потянулся
и вышел.

и это было так просто, так невероятно просто.
но никто больше не последовал за мной.

позже, смотря на крабовые лапы,
я вспоминал то место.
раз пять
или шесть.

затем переключался на пищу.

ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

мне было 8 и все шло как-то
не очень.
отец был зверем, а мать ему
потакала.
соседским мальчишкам
я не нравился.
но у меня было укромное место.
крыша гаража.
там было очень жарко, я раздевался
и принимал солнечные ванны.
я решил стать крепышом
с бронзовой кожей.
я делал зарядку, потел
под палящим солнцем.
крыша была покрыта белым
щебнем, впивавшимся в мою
кожу.
я все никак не мог забронзоветь,
лишь обгорал
как идиот.
но продолжал залезать на крышу.
она оставалась моим укромным местом.
и вдруг мне пришла в голову мысль,
что я умею летать.
не знаю, как это случилось,
как родилась
эта мысль.
но со временем
уверенность
только
укреплялась.
я даже не понимал, зачем мне
летать,
но мысль о полете захватила меня
полностью.
часто я подходил
к краю
крыши
и всегда делал шаг назад.
в один из полдней
я решил, что время полета настало.
внезапно я почувствовал, что смогу.
это был восторг.

я подошел к краю крыши,
выпрямился и взмахнул
руками.
я полетел вниз и больно ударился
о землю.
поднявшись, я обнаружил,
что с моей голенью
что-то не так.
я едва мог идти.
добравшись до дома,
я вошел в спальню
и лег на кровать.
через час моя голень
раздулась,
став огромной.
я снял ботинок.

в это время
дома появились родители.
«Генри, где ты?»
спросил отец.

«здесь я».

они вошли,
отец, а за ним
мать.

«что случилось с твоей
ногой, Генри?» спросила мать.

«несчастный случай».

«несчастный случай?
какой еще несчастный случай?» спросил отец.

«я пытался полететь, но не вышло».

«полететь? как? откуда?»

«с крыши гаража».

«это где ты последнее время
прячешься?»

«да».

«ты понимаешь, что нужно
будет платить врачу?
ты понимаешь, что у нас
нет на это денег?»

«мне не нужен врач».

«врачи стоят денег!
марш в ванную!»

я проковылял
в ванную.

«снимай штаны
и трусы!»

я снял.

«врачи стоят денег!»

отец взмахнул ремнем,
которым он точил бритву,
и я почувствовал
первый удар.
вспышка света
взорвалась
у меня в башке.
он взмахнул ремнем
снова.
звук удара
по телу
был ужасен.

«ебаные врачи!»

ремень впился
снова
и тут я понял, почему мне
хотелось
летать... пролетев
сквозь стены,
пролетев
сквозь окна,

улететь хоть куда,
подальше отсюда.

МАЛЕНЬКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

маленькое солнце маленькая луна маленькая собачка
мало еды и мало любви
мало жизни

в маленькой комнате
наполненной маленькими
мышами
грызущими бегающими и танцующими пока я сплю
в ожидании маленькой смерти
посреди маленького утра

в маленьком городе
в маленьком государстве
моя маленькая мать мертва
мой маленький отец мертв
они где-то на маленьком кладбище.

у меня
мало времени
чтобы сказать тебе:

смотри
на вбегающую маленькую смерть

как и миллиард других маленьких смертей
в итоге она будет значит все и ничего:

и твои маленькие слезы взлетят как голуби,
опустошенными.

ХОРОШИЕ ВЕЩИ

Рэд убирался
в дешевых отелях
и часто приносил мне вещи,
оставшиеся от умерших.
«никому это не нужно. но ты посмотри
на эту рубашку. ты не сможешь купить
себе такую.
и эти очки примерь».

«спасибо, Рэд»

«и примерь халат. только взгляни
на эту чертову вещицу. видел когда-нибудь
что-то подобное?»

«нет, никогда»

«он умер во вторник. примерь»

я примерил.
тяжелый, желто-зеленый халат
походил на стеганое одеяло.
я затянул пояс.

«он слишком велик для тебя,
но выглядит отлично. умерший был крупным
парнем. я хорошо его знал. он работал
сторожем и пил солодовое пиво».

«спасибо, Рэд, я оставлю себе».

«нужны чулки? нижнее белье?»

«нет, у меня все есть»

Рэд отправился убирать другие
комнаты.

.

большой халат напоминал нечто такое,
что в былые времена носили короли.
мне он по-настоящему нравился, я никогда

не встречал подобного в магазинах.
такое должно передаваться от поколения
к поколению.

моя новая подружка пришла вечером
и мы выпивали, сидя рядом.
я еще был на той стадии, когда
нужно было ее чем-то впечатлить.
и после пары пива
я произнес «сейчас вернусь».

я вошел в ванную, надел халат
и вышел с выпивкой
в руке.

«господи, что это такое?»

«скажи классно, моя дорогая!»

«халат слишком велик и он
грязный! откуда он
у тебя?»

«один парень умер и его вещи
выбросили».

я присел рядом с ней.

«он омерзительный!»

«нет ничего ужасного в смерти», ответил
я ей. «нечего стыдится
смерти».

рубашку я решил ей не показывать.
и новые очки для чтения
тоже.

и любовью мы в тот вечер не занимались.

.

в следующий раз Рэд пришел с парой
кожаных перчаток.
«один парень умер в прошлую пятницу. он делал

ящики на заводе. пришли его родственники и обчистили дом. но перчатки забыли. я нашел их в кладовке».

я взял перчатки.
они были немного малы, но выглядели как новые, лишь маленькая дырочка была на кончике пальца левой перчатки.

«спасибо, Рэд, они прекрасны!»

«ты нигде не найдешь таких перчаток».

«да», ответил я. «разве ж я спорю?»

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

нам было по 10-11 лет,
когда мы отправились повидаться
со священником.

мы постучали.
толстая, неприятная тетка
открыла дверь.
«да?» спросила она.

«мы хотим увидеть
священника», сказал один
из нас.
думаю, это
произнес
Фрэнк.

«отец» повернула голову
женщина
«какие-то мальчики хотят
вас увидеть».

«скажи им, пусть
проходят» сказал
священник.

«следуйте за мной» произнесла
толстая, неприятная женщина.

мы проследовали за ней.
священник был
чем-то занят.
он сидел за
столом.
он отложил в сторону
бумаги.

«да, мальчики?»

женщина вышла
из комнаты.

«ну» произнес я.

«ну» произнес Фрэнк.

«да, мальчики, смелей...»

«ну» сказал Фрэнк «мы бы удивились, если бы Бог был здесь».

отец улыбнулся.

«но Он, конечно, здесь».

«ну и где Он?» спросил я.

«вы изучаете катехизис? Он повсюду».

«ох» произнес Фрэнк.

«спасибо, отец, мы просто хотели узнать» сказал я.

«да все нормально, мальчики, я рад, что вы спрашиваете».

«спасибо, отец» сказал Фрэнк.

мы оба слегка поклонились, повернулись и вышли из комнаты.

толстая, неприятная женщина ждала нас. она проводила нас к выходу и закрыла за нами дверь.

мы шли
по улице.

«не удивлюсь, если он
ебет ее», произнес
Фрэнк.

я оглянулся, нет ли
поблизости Бога, и ответил
«конечно же, он ее не ебет».

«а что он делает,
когда у него
встает?»
спросил Фрэнк.

«наверное, молится»
ответил я.

«это не одно и
тоже» произнес Фрэнк.

«у него есть Бог» сказал я
«ему больше ничего
не нужно».

«а я думаю, он ебет
ее» снова произнес Фрэнк.

«да ну?»

«ага.
почему бы не вернуться
и не спросить его?»

«вот возвращайся и
спрашивай» сказал я
«ты единственный, кому
это интересно».

«я боюсь»
признался Фрэнк.

«ты боишься Бога»
сказал я.

«а ты?»
спросил он.

«само собой»

мы остановились
на красный свет,
пропуская машины.
никто из нас
не ходил на мессы
месяцами.
там было скучно.
веселей было
болтать
о священнике.

загорелся зеленый
и мы
перешли дорогу.
НЕНОРМАЛЬНЫЙ

когда я учился в средней школе,
наш учитель рассказал историю
о моряке,
заявившему капитану
«флаг? надеюсь, никогда
не увижу его снова!»
«хорошо» ответил капитан
«твое желание
выполнимо!»
и моряка навсегда заперли
в трюме корабля.
они спускали ему еду,
но он, в конце концов, там умер,
никогда больше не увидев
флаг.

это была по-настоящему ужасная
и поучительная
история для
всех детей.
но для меня
она не была
поучительной.

я сидел и думал,
ну, ладно, это очень плохо
не видеть
флаг,
но как же здорово
не видеть
других людей.

впрочем, я не поднял руку
и не произнес это
вслух.
я действительно
не хотел видеть
всех этих
правильных.

я смотрел прямо перед собой
на черную доску,
которая выглядела
гораздо лучше
любого
из них.

ВОЙСКО

мне было 21,
шла Вторая мировая
и я ехал в автобусе
в Новый Орлеан.

в нем
было
полно
военных.

только
двое
ребят
были
не в форме.

рыжеволосый
парень
и я.

рыже-
волосый
парень
оправдывался
перед
парнями
в
форме

«господи,
вы должны
поверить мне,
я так хочу быть
с вами, ребята,
но не могу,
у меня
больное
сердце!»

«да, все
нормально»
отвечали ему.

а мне не нужно
было
исповедоваться,
мне просто хотелось
спастись.
я вытащил
свою пинту,
глотнул
и стал
смотреть
в окно...

время
приближалось
к вечеру
когда
автобус
остановили
посреди
пустыни
еще
несколько
солдат.

часть осталась
стоять снаружи,
а двое вошли
в автобус.

они с трудом
продирались
сквозь
оголенные нервы
существующего
порядка и хаоса.

они спрашивали
каждого пассажира:

«откуда
вы
родом?»»

выходило,
что девять из десяти

ехавших в автобусе,
были
уроженцами
Среднего Запада.

и когда
подошла
моя очередь,
я сказал
«Пасадена,
Калифорния».

«куда
направляешься?»

«на похороны,
мой брат
умер».

они прошли
дальше
вглубь
автобуса.

и
поравнялись
со
стариком.

«откуда
вы
родом?»

«не
думаю, -
ответил
старик, -
что вас
это
касается».

«сэр,
я спрашиваю вас —
откуда вы
родом?»

«у нас
демократия,
я не обязан
отвечать
на ваши
вопросы».

«ты
сукин сын!»

солдат
схватил
старика
за
воротник
пальто

и стащил
его
с места.

потом
они
протащили
старика
по
проходу
и
выкинули
из
передней
двери автобуса.

автобус
стоял,
а мы
все
глазели
в окна на то,
как группа
солдат
окружила
старика.

нам было слышно
«мы не впустим
тебя внутрь!»

«но у меня
остался
багаж
в
автобусе!»

«да
ебать
твой багаж!»

затем один из
солдат
кивнул
водителю
автобуса,

тот
закрыл
дверь
и
автобус
поехал.

вечер
вскоре сменился
ночью,
все
молчали,
пока

рыже-
волосый
парень
не
начал
заново:

«слушайте, я
действительно хочу
пойти
на эту

войну, я бы
многое
отдал
за то,
чтобы
иметь
здоровое
сердце».

автобус
просто
ехал.

ИСТОРИЯ КРУТОГО РАСПИЗДЯЯ

однажды ночью я нашел его у двери мокрого худого избитого
и измученного
косоглазого бесхвостого белого кота
я подобрал его накормил и оставил у себя
он подрос стал доверчив пока кто-то из моих друзей подъезжая
к дому не переехал его
я собрал то что осталось и отвез ветеринару который
сказал «ни единого шанса... давайте ему эти таблетки... его
позвоночник сломан но он сломан давно и кто-то его уже
лечил в любом случае если он и выживет то ходить не будет
посмотрите на эти снимки в него еще стреляли дробинки
по-прежнему внутри... а еще кто-то отрезал
ему хвост...»

я забрал кота домой было лето одно из самых
жарких за десятилетия я положил его на пол
в ванной дал ему воды и лекарство он не мог есть он
не притрагивался к воде я обмакнул в воду палец
и смочил ему рот сказав я никуда не
уйду кот долго пролежал в ванной и я разговаривал
с ним нежно поглаживая а он глядел на меня
своими светло-голубыми косыми глазами и прошли дни
прежде чем он сделал первое движение
начав волочить себя за передние лапы
(на задние он не мог встать)
кот направился к своему лотку
дополз и залез в него
это было подобно звуку победной трубы
звучащей в этой ванной и в этом городе
я привязался к коту – и это было плохо не то чтоб очень
но достаточно плохо...

однажды утром он приподнялся встал завалился назад
и посмотрел на меня

«ты можешь это сделать» сказал я ему

он попробовал еще раз встать и упал снова но
перед этим смог сделать несколько шагов кот был словно пьян
задние лапы не слушались и он падал и падал лежал
и снова вставал

и все получилось: сейчас он здоровей чем когда-либо

косоглазый и почти без зубов но кошачья грация вернулась
и по его глазам видно что он и не собирается умирать...

теперь у меня временами берут интервью расспрашивая
о жизни и литературе а я делаю глоток и поднимаю вверх
своего косоглазого расстрелянного раздавленного бесхвостого
кота и говорю «смотрите смотрите на это!»

но они не понимают они говорят что-то типа «вы
говорите что испытали влияние Селина?»

«нет» я поднимаю кота «как такое могло случится
как происходят такие вещи вот такие!»

я трясу кота и протягиваю его сквозь
прокуренные и пьяные лучи света и ему это нравится я знаю...

на этом интервью заканчиваются
хотя я временами горжусь когда позже вижу снимки
где мы сфотографированы вместе с
КОТОМ

он тоже знает что все ерунда пока есть кто-то кто поможет.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Сэнфорд любил ебанутые шутки,
типа, насать в бутылку с молоком,
поджечь лапки пауку, поиздеваться над кошкой,
налить воду в газовый баллон и т. п.

он весь состоял из таких
ебанутых проделок.

мы росли вместе.

когда началась Вторая мировая он пошел служить
в ВВС.

«летчикам достаются все киски»
сказал он мне.

во время второго полета
над Ла-Маншем
его самолет
сбили.

труп так и не нашли.

еще одна ебанутая шутка ебанутого
мира.

ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

они закрыли автозаводы
в Калифорнии,
но глава компании пообещал
работу всем уволенным,
если они отправятся в Оклахому,
переезд
им
оплатят.

и теперь
многие семьи
выстроились
в длинные караваны из машин,
наполненных детьми
и скарбом.

все это напоминает 30-е,
когда их старики перебирались сюда
из Оклахомы
по этой же дороге.

а теперь они возвращаются
в Оклахому
с калифорнийским акцентом,

внуки
Района Пыльных Бурь,

потому что японские автомобили
компактней, дешевле,
лучше.

это похоже на
маленький осколок бомбы,
долетевший из Хиросимы,

или на японский
фильм ужасов,

где все актеры
американцы.

ЗАГАДКА

мой сосед милый парень, но он до смерти
поражает меня:
он встает рано-рано утром, идет
на работу;
его жена тоже работает, у них двое любимых
детей;
по вечерам он дома, иногда я вижу
детей, мельком смотрю
на жену;
в 9 в доме гаснет
весь свет;
и его следующий день похож на предыдущий;
он кажется честным, умным мужчиной
в свои неполные 30;
объяснить заведенный порядок
можно только
наслаждением
от работы,
верой
в Бога,
сексом,
семьей.

не знаю почему,
но я все время
жду отсюда звука разбитого окна,
жду каких-нибудь криков,
жду, что увижу свет в 3 часа ночи
и
летающие бутылки,

но за последние 5 лет
заведенный им порядок
остается прежним,

я
опасаюсь, что
может есть
что-то такое,
о чем
его жена
признается позже
«Хэнк, я могла бы

позвонить копам
много раз,
но не сделала этого».

порой
мне хочется самому
сообщить о них копам,
но не думаю, что копы
поймут на что
я жалуясь.

полицейские мигалки,
бледные лица
в темной синеве:

«Сэр,
нет ничего
незаконного
в их
действиях...»

НА КАТКЕ

я сижу за столиком в торговом центре, пью кофе,
пока Линда делает покупки.
мое место над ледяным катком, где в полдень
катаются дети,
большинство девочек в синем, красном, белом, зеленом,
алом, желтом, оранжевом,
выглядят они отлично, они быстры, они плавно скользят и кружатся,
они не сталкиваются, даже у самых маленьких
всё получается, и все –
малыши, те, кто постарше, и почти взрослые –
кружатся так, словно они одни на катке.

нравится мне это, очень, но я начинаю думать о том,
как они повзрослеют и прекратят кататься, они
прекратят петь, рисовать, танцевать,
все их интересы сведутся к тому как
выжить,
изящество и азарт исчезнут.
но, наверное, это не так уж плохо:
то же самое случается и с животными –
они долгое время
любят играть,
потом перестают...

и я вижу Линду, она, похоже,
нашла вещь,
которая ей понравилась, она спешит к столику, она
машет,
смеется.
встаю, машу в ответ, улыбаюсь,
мы выйдем очень счастливыми,
как те, что кружатся и плавно скользят
внизу.
некоторые мгновения приятны, некоторые
еще приятней, а некоторые достойны того,
чтобы о них
написать.

МОЙ ДРУГ

я любил драки в барах.
я дрался с самыми большими и самыми подлыми мужиками
из тех, что подворачиваются.
здешняя публика считала
меня храбрым.

но это было что-то другое, что-то,
что ходило, спало и сидело рядом
со мной. оно ело со мной, когда я ел,
оно напивалось со мной, когда я напивался.
я видел это повсюду: на буханках
хлеба, на спинке мыши,
бегущей вверх по стене, я видел это сквозь
изорванные шторы, я видел это
на телах прекраснейших женщин;
я не видел этого, когда светило солнце, но видел,
когда шел дождь, я замечал это даже в
насекомых; я видел это, едущим в автобусах
и троллейбусах;
я видел это, когда выдвигал
ящики комода,
я видел это на лицах боссов
с онемевшими влажными губами и
маленькими заклепками вместо глаз:
синими, карими, зелеными;
я видел это в щелчках табельных часов,
видел, как это покрывает, словно пудра
лица моих домовладелиц;
я видел это на перилах
лестниц,
поднимаясь на второй
этаж какого-нибудь отеля
в Хьюстоне, Новом Орлеане, Сент-Луисе,
Лос-Анджелесе, Сан-Франциско;
я видел это на дверных ручках и видел
это в комнатах, сидя
на кровати
в ожидании чего-то...
и в некоторых барах,
когда после многочасовой пьянки
кто-то говорит «эй, Хэнк, ты
когда-нибудь нарывался на Большого Эдди?»
Большой Эдди ухмыляется, а я вижу это

на его зубах, я приканчиваю пиво,
квиваю ему, встаю, иду
к черному входу, Большой Эдди
с толпой следом, и снаружи
я вижу это на луне и
на кирпичках,
пока публика делает ставки.
я заранее обречен, но когда Большой
Эдди начинает драку, вижу это на его
ногах и на пуговицах
его рубашки и слышу откуда-то
издалека звук трубы,
и это единственное, что достойно
знания мужчины.

ПАЛЕЦ

у водителей автомобилей
не хватает то ли возможностей,
то ли оригинальности.
когда их бесят
другие
водители,
они часто показывают
ПАЛЕЦ.

я видел двух взрослых
мужчин
с багровыми лицами,
едущих друг
напротив друга
и показывающих
ПАЛЕЦ.

ну, мы все знаем,
что это значит, это ни для кого
не секрет.

но, все-таки, этим жестом
так злоупотребляют,
что он стал
бессмысленным.
некоторые мужчины, показывающие
ПАЛЕЦ, являются флагманами
индустрии, членами городского совета,
страховыми агентами,
бухгалтерами или просто обычными
безработными.
какая разница.
это их любимый
ответ.

люди никогда не допускают,
что они плохие
водители.
ПАЛЕЦ это их ответ
на всё.

я вижу взрослых мужчин,
показывающих ПАЛЕЦ всем подряд

круглосуточно.

остановимся и задумаемся.

когда я вижу,
что это обычное явление в наших городах,
что это обычное явление в наших штатах,
что это обычное явление в нашей стране,
я начинаю
понимать.

ПАЛЕЦ это наше
мировоззрение.
мы ПАЛЬЧЕЧНИКИ.
мы показываем его всем
и каждому.
мы показываем его приходя
и уходя.
мы просто не знаем, как еще можно
реагировать.

это самый глупый способ
не
жить.

МОЙ КОМПЬЮТЕР

«чего?», спрашивают они, «ты пользуешься компьютером?»

звучит так, будто я стал предателем.

я понятия не имею, почему столько людей настроены против компьютера.

даже два издателя написали мне письма по поводу компьютера.

один пренебрежительно назвал компьютер слишком упрощенным путем. другой же просто реально его ссыт.

как будто я не знаю, что компьютер не напишет стихотворение. впрочем, как и пишущая машинка.

тем не менее, пару раз в неделю я слышу «чего? ты пользуешься компьютером? ты?»

да, пользуюсь, я сижу здесь почти каждую ночь, иногда с пивом или вином, иногда

без,
и работаю
на компьютере.
чертова штука
даже исправляет
мои ошибки.

и
стихотворения
взлетают,
даже легче,
чем раньше.

я понятия не имею,
откуда
взялось
это предубеждение
к компьютеру.

а я?
я хочу подняться
на следующую
ступень
после компьютера.
я уверен,
что это случится.

и когда я это
сделаю,
они скажут
«эй, слышали,
Чинаски
в гиперпространстве!»

«чего?»

«да, правда!»

«не
верится!»

а у меня так же будет
пиво
или вино,
а может и ничего

из этого,
и мне будет
85,
и я буду ехать
домой
к тебе, к себе
и к маленькой девочке,
которая потеряла
свою овечку.
или
свой компьютер.

МЕШОК С ПОЧТОЙ

шизофреник
из Далласа
пишет мне о своих
проблемах:
он
слышит голоса,
он
подсел
на Беккета,
а еще мозгоправ
заставляет его
сидеть слишком долго
в
приемной.

его
поддерживает
мать
и он играет
в женский
софтбол.

также недавно он
занял
второе место
в кулинарном конкурсе
по приготовлению чили.

тебе стоит приехать
в Остин,
пишет он,
ты полюбишь
Остин.

я кладу его письмо
к
другим письмам
от шизофреников.

я уже бывал
в Остине.

БАХ

я
слушаю его произведение,
записанное в
1923-м.
мне было тогда
три года,
у Баха же
возраста нет.

я скоро
умру,
но не чувствую
по этому поводу
никакого сожаления.

мы с Бахом
вдвоем
в этой
комнате.

его музыка
избавляет меня
от боли
и любого
жалкого
шкурного
интереса.

спасибо тебе, Бах,
у меня нет
живых
друзей.

ОСТОРОЖНОСТЬ

меня печалит соседний
дом.
мужчина и его жена встают рано
и идут на работу.
вечером возвращаются.
у них есть мальчик и девочка.
в 9 вечера весь свет в доме
гаснет.
на следующее утро мужчина
и его жена снова рано встают и идут
на работу.
вечером возвращаются.
весь свет гаснет в
9 вечера.

меня печалит соседний
дом.
а эти люди, милые люди,
они мне нравятся.

но я чувствую, что они тонут.
и спасти их я не могу.

они в числе выживших.
они не
бездомные.

но цена за это
ужасающая.

иногда днем
я смотрю на дом,
а дом смотрит
на меня,
и дом вот-вот
заплачет, да,
я чувствую это.

дом печалится из-за людей, живущих
в нем,
я тоже,
и мы смотрим друг на друга,
а машины едут вверх и вниз

по улице,
лодки пересекают гавань,
толстые пальмы тычутся
в небо,
а в 9 гаснет
весь свет,
и не только в ЭТОМ
доме,
и не только в ЭТОМ
городе.
осторожные жизни прячутся,
почти
останавливается
дыхание их тел и
что-то еще.

ЛЮБОВЬ И МУЖЕСТВО

единственный, кто мне нравился, был Кэгни,
он дрался на ринге,
чтобы заработать
и оплатить
уроки музыки
своего брата,
тот хотел стать
классическим пианистом,
говорили,
что у него талант,
но братья были родом из Нижнего
Ист-Сайда
и Кэгни выходил на ринг
снова и снова
ради денег для своего талантливового брата,
который должен стать классическим пианистом.
Кэгни даже свою девушку
уступил брату
и, в конце концов, у того
случилось выступление
(в Карнеги-холле, если я не ошибаюсь)
а Кэгни,
весь переломанный и ослепший,
слушал по радио
у газетного киоска
как брат играет в концертном
зале,
и, конечно, у той самой девушки
горели
от восхищения глаза,
а Кэгни потирал свои руки
над маленьким огнем,
один, в холоде,
и слушал по радио
как играет на пианино
его брат,
Кэгни,
ни хрена не разбиравшийся в музыке,
вслушиваясь в
аплодисменты,
надеялся, что
не напрасно
получил все те удары.

ДВА ПЬЯНИЦЫ

я пытался писать
и еле сводил концы с концами.
в основном я печатал грязные вещицы
для девчоночьих журналов.

а Эдди пытался рисовать.
дела у него тоже шли плохо,
но ему повезло больше, чем
мне: он жил в большом
доме
с красоткой,
которая
о нем заботилась.

мы с Эдди
пили.
мы много работали,
но и выпивали
тоже немало.

все
свои картины
он держал
в подвале –
сотни работ
были сброшены
там.

он рисовал только
желтой краской
и черными индийскими чернилами.

желтый
мой любимый цвет,
так что мне нравились картины.

я бывал у него
днем,
выпивал,
а к вечеру
возвращался домой,
выпивал еще
и начинал печатать.

это были
возбуждающие времена,
несмотря
на то,
что нам тяжело работалось,
и в перспективе грозила жизнь
в сумасшедшем доме
или в трущобах.

мы дрались, кричали,
напивались с незнакомцами,
но солнце всегда
нам светило,
а если и наступала ночь
вся эта
животная энергия
никуда не девалась.

Эдди любил рисовать
под музыку,
это был тот же
метод работы,
что и у меня.

«почитай мне свои
чертовы стихи...»

я читал,
а он начинал
кистью
накладывать резкие мазки
на
холст,
черное пересекало желтое
и красotka любовалась этим.

так мы провели,
наверное,
месяца два или три.

однажды
я пришел
повидать Эдди,
но у двери

меня встретила
его девушка.

«Эдди нет», - сказала
она, - «я выгнала его
на хер!»

«он забрал картины?»

«нет, я выбросила
их!»

и она уже
не выглядела
прекрасной.

«знаешь,
куда он отправился?»

«нет, и мне
плевать!»

она
захлопнула дверь.

Эдди никогда
не заходил ко мне домой.
и тогда, и сейчас
я удивляюсь этому.

однажды вечером
я напился
и отправился
к его
бывшей подружке.

по дороге передумал
и вернулся домой.

я принялся
печатать.
мне было
пятьдесят
и я был безработным.

я даже пробовал
рисовать,
но даже близко
не приблизился
к качеству картин Эдди.

я вернулся к написанию
грязных историй.

я больше не видел
Эдди.
и со временем
просто
забыл о нем.

с нашего последнего вечера
прошло десять лет.

Эдди, мне безразличны
большинство людей,

но ты всегда можешь
прийти ко мне
и переночевать на диване
или на полу.

я мало,
в чем разбираюсь,

но желтый
мой любимый цвет,

это я к тому, что
вдруг тебе попадется это стихотворение.

КОЕ-ЧТО О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

однажды я был пьян и рассказал
ей о том,
как жил
в Атланте, в халупе,
платил 1, 25 доллара в неделю,
не имея света,
воды,
туалета,
отопления.

в моих
карманах
не было
ни цента.

холодно.

друзей нет.

родители были
в 5000 километров отсюда
и отказались
помогать деньгами.

зато отец
прислал мне
шестистраничное письмо,
напомнив обо всех
моих ошибках,
об отказе
смотреть в лицо
реальности,
о глупой
мечте
стать писателем.

все рукописи,
что я отправлял в журналы,
возвращались назад.

от моих
100 кило
осталось 60.

там был провод,
качавшийся над
головой,
провод,
на котором
висела лампочка.

я потянулся
к проводу,
не зная
убьет меня
или нет.

я тянулся
к нему
все ближе
и ближе.

и остановился.

я заметил газеты
на полу.

у меня давно
закончилась писчая бумага,
а печатную машинку
я заложил.

на каждой
странице
газеты было много
пустого пространства
у краев.

а у меня оставался
огрызок карандаша.

я поднял
газету
и огрызком
начал писать
слова
на ее краях.

сидя у двери
и замерзая, в лунном свете
я мог видеть
что пишу,
в итоге я исписал карандашом
все края
всех газет,
что были в этой халупе.

.

однажды вечером
я напился
и начал рассказывать ей
о той халупе
снова.

она оборвала
« я уже слышала
эту историю раньше».

затем, сев в свой
новый «фиат» за 10000 долларов,
подаренный мной
на день рождения,
она отправилась
в ближайший
магазин
купить
нам
ужин.

БУДУЩИЙ КОНГРЕССМЕН

на ипподроме,
в мужском туалете
мальчик
лет 7-8
выходит из кабинки
и мужчина,
ждавший его
(наверное,
отец)
спрашивает
«куда ты дел программку
с расписанием скачек?
я же тебе ее
отдал».
«нет», - отвечает мальчик, -
«я ее даже
не видел».

они уходят, а я
захожу в ту же кабинку,
потому что она
единственная свободная,
и вижу
в унитазе
эту
программку.

я пытаюсь
ее
смыть,
но
программка просто медленно
крутится
и не исчезает.

я выхожу
и ищу
другую
кабинку.

тот мальчик уже
готов к жизни.
нет сомнения в том,

что он добьется успеха,
маленький
мошенник.

СТРАННОЕ УТРО

ничего подобного раньше не случалось,
никто не знает, почему такие вещи
вообще происходят.

было около 11 утра и я вышел из бара
подышать свежим воздухом.
подошел Дэнни и мы начали с ним
болтать.
позже к нам присоединился Гарри.

потом еще двое мужчин заговорили
в нескольких метрах от нас.

«вернемся назад бухать», предложил я
Дэнни и Гарри.

«нет, тут клево», ответил Дэнни
«поболтаем еще».

мы продолжили.

я заметил рядом
и других мужчин.
кто-то говорил, кто-то
просто стоял.

все происходило медленно.
все больше и больше мужчин
появлялось,
они стояли у угла.
уже образовалась толпа.
и это выглядело
забавно.

что-то странное было в воздухе,
это
чувствовалось.

звучало множество
голосов.
мужчин становилось все больше.
не представляю, откуда они все
появлялись.

они стояли,
болтали,
смеялись
и курили
сигареты.

бармен Джим
высунул голову
и спросил
«эй, что за хрень здесь
происходит?»

кто-то рассмеялся.

Джим вернулся внутрь,
в пустой бар.

появилось чувство
чего-то странного,
словно мир
внезапно
начал меняться.

чувство радости
и азарта
пропитало воздух.

верилось, что это
чувствовали все.

огромная энергия
была выпущена на свободу
и подпитывала все вокруг.

появился Джек,
полицейский,
«эй, ребята,
расходитесь!
что, блин,
здесь происходит?»

мы все знали Джека,
мы выпивали с ним
вечерами.

спустя немного времени Джек
просто стоял с нами,
тоже о чем-то болтая.

Дэнни ухмыльнулся «боже,
это действительно странно».

«мне нравится», ответил я.

все пространство у угла
было заполнено людьми,
они смеялись,
оттягивались по полной
и чувствовали себя
свободными.

останавливались машины
и водители высовывали головы,
интересуясь, что здесь происходит.
а мы и сами
не знали.

в конце концов, я сказал
«не могу больше стоять
здесь, мне нужно
выпить».

Дэнни и Гарри
вошли со мной
в бар.

вскоре еще несколько парней
последовали за нами.

«много ребят там»,
произнес бармен.

«да»,
согласился Гарри.
«а где женщины?»

«женщины
не хотят иметь ничего общего
с такой пьянью,

как мы»,
ответил Дэнни.

за 15-20 минут
каждый из нас
прикончил по несколько
порций.

я подошел к двери
и выглянул
наружу.
все
ушли.

я вернулся внутрь
и сел.

«думаешь о том,
куда они все ушли?»

«самое странное утро
в моей жизни»,
сказал Дэнни.

«да», согласился
Гарри.
мы сидели
и думали об этом.
затем Дэнни
начал говорить
о своей семье,
которая выгнала его за то,
что у него нет работы,
ну, и так далее.

бармен Джим
стоял,
протирая стаканы,
мир вернулся
к обычному состоянию,
удивляясь
тем,
кто решил заказать
еще по одной.

БЕСТАКТНОСТЬ

сегодня на скачках
была
неразбериха на входе
и я опаздывал
сделать ставку.
парень передо мной
чудовищно медлил,
застряв
на входе.
он неуклюже
двигался
и я
заорал на него:

«ДАВАЙ ЖЕ! ДАВАЙ!
ДОСТАВАЙ УЖЕ СВОЙ ЕБАНЫЙ
БИЛЕТ!»

люди
из соседних очередей
уставились
на нас.

ДА ДОСТАВАЙ ЖЕ ЕГО, ПРИЯТЕЛЬ!

парень
повернулся.
у него
не было
рук.
да,
я успел
сделать ставку.

моя лошадь
пришла
последней.

ЛЕГЕНДА

пианист из Польши дал свой первый концерт
в Нью-Йорке.

критики отнеслись к нему прохладно,
но публика его полюбила.

выступления искрились какой-то
особой энергией.

он часто пропускал ноты,
но неискушенной публике
было все равно.

он исполнял только те произведения,
что доставляли удовольствие публике,
мелодичные фрагменты,
приятные для слуха,
впрочем, это все равно считалось
классикой.

его поездки с выступлениями
были изматывающими и бесконечными,
вскоре его заметил Голливуд,
и он
разбогател.

у него появился свой собственный
железнодорожный вагон.

люди толпились вокруг него,
следовали за ним по пятам,
мечтали увидеть и
услышать
живьем.

женщины сходили с ума,
визжали, а некоторые
падали в обморок на концертах.

он постоянно улыбался, раздавая
тысячи
автографов.

однажды
он отрезал прядь
своих белоснежных волос
и бросил ее

в толпу.

со временем
его игра ухудшилась,
но он продолжал,
не обращая на это внимания.

а потом он, как и все,
умер.

чертовски хорошее выступление
для средненького
таланта.

для маленького
лимона,
из которого
выжали
все соки.

ЧИТАТЕЛЬ С ГОРЕЧЬЮ ПИШЕТ:

«в вашей
последней книге
в 43 стихотворениях
вы пишете
о смерти
прямо
или
иносказательно...»

я сгибаю его письмо
пополам
и кладу
осторожно
вместе
с другими.

я ничего
ему
не отвечу.
словно я и есть
смерть.

ГОРА УЖАСА

в средней школе
мы сидели в классе
в алфавитном порядке,
поэтому Бернс сидел всегда
прямо за мной.
он был самым большим парнем
в выпускном классе 38-ого года.
он был высоким и широкоплечим,
но, в то же время,
до странности каким-то мягким.
он был
просто огромным
человеческим существом.
если ты проявлял
к нему симпатию
или доброе расположение,
он поселялся
на твоей территории,
топя тебя
в слюнях
благодарности.

он сидел
за моей спиной,
дышал
в шею
на биологии,
на основах гражданских прав,
на английском,
я слышал
его дыхание
и бесконечное
сопение,
я ощущал
каждый его вдох
и выдох.
я мог слышать
каждое движение
его необъятной
туши.

он был
адам

для моего мозга
час,
другой,
потом
еще час
на следующем
уроке.

но самое худшее,
что
этот бедный
дебил
считал себя умным.

одной из его игр
было вдарить
меня по спине
и прошептать на ухо
«это от
Мэри Лу...
она просила
передать тебе...»

и протягивал
маленькую свернутую
записку:
«о, мальчик,
я хочу быть с тобой
такой испорченной!
я не могу
отвести глаз от тебя!»

я не обращал
внимания.

затем он
давал тычок в спину
и
с шипением и сопением
говорил
«эй, она хочет тебя!
ты же ей
вдуешь?»

я ничего

не отвечал.

некоторое время
получалось игнорировать,
но потом он засовывал
свои пальцы
мне за шиворот
и повторял

«ты же ей
вдуешь?»

да, он был
весельчаком.

в течение школьного дня
я слышал
и другие его замечания:

«слушай, Хэнк,
давай
станем друзьями.
я куплю пивка
и мы
нажремся
в стельку».

«эй, Хэнк,
знаешь, что говорит
слепой эскимос,
встречая
моржиху?»

«эй, Хэнк...»
в довершении ко всему
его тело
воняло.
он всегда
носил один и тот же
грязный зеленый
свитер,
даже в жару.

и после
каждого урока

он пытался
выйти
из класса
вместе,
преследуя меня.

«эй, Хэнк,
подожди минутку...»

он был медлителен, его
огромные ноги
были обуты
в гигантские
черные ботинки
с квадратными носами
и он часто спотыкался,
когда шел.

«эй, Хэнк...»
я знал,
что он одинок,
но мне не нужно было
его одиночество.
он вызывал у меня
физическую
и душевную
боль.
к тому же,
моя жизнь
и без Бернса
была достаточно
жалкой.

он нависал
надо мной
целых два года.

однажды
он ткнул
меня в спину
«эй, это тебе
от Каролины!»

я развернул записку
и прочитал

«Генри,
ты няшка
моих снов...»
я повернулся
на стуле
и посмотрел на него.
он носил
большие круглые очки
в тонкой
черной оправе.
его
влажные
красные губы
изгибались
в глупой ухмылке
и я сказал
«слушай, Бернс,
если ты хоть раз еще меня тронешь,
или заговоришь,
или просто помотришь на меня,
обещаю -
я тебя прикончу».

и
отвернулся.

Миссис Андерсон,
учительница английского,
произнесла,
сидя за своим столом,
так, чтобы слышали все:
«мистер Чинаски,
останьтесь
после
урока!»

я остался.
стоял,
пока она
смотрела на меня
снизу.

«я долго терпела
ваши грубые
шутки.

у вас есть
объяснения
подобному поведению?»

я
молчал.

«мистер Чинаски,
я ставлю вам «ноль»
по английскому».

«хорошо».

«можете
идти».

я больше не ходил
на английский,
но Бернса
встречал
на каких-то
других уроках.

и, к счастью,
так и не убил его.

все, что я слышал,
это его дыхание
и сопение.

самое ужасное,
что у меня появилось
чувство вины,
словно я наложил
на него
какое-то несмываемое проклятие.

я чувствовал,
будто
запер его в какой-то
кошмарной тюрьме,
в каком-то
сыром
одиноким месте.

я так
и оставил его там.
сидящим
у меня за спиной

в классе
зимой 38-ого.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

он покончил с собой в номере отеля
в самом значном районе Детройта,
уже было трупное окоченение,
когда его нашли. крысиный яд...
я управлял этим местом,
пытался собирать плату за жилье
и опустошал мусорные баки.
и вот я стою и смотрю, как они тычут в него иглой.
его глаза широко открыты, кто-то закрывает
их. игла наконец входит. он окоченел,
сидя в кресле. теперь он немного обмяк.
они находят несколько писем от его сестры,
живущей в другом городе. распрямляют его,
кладут на носилки и несут вниз по лестнице. простыни
почти чистые, так что я просто заново заправляю постель,
вычищаю шкаф, а когда выхожу, вижу,
что в коридоре собралась вся пьянь
в грязном нижнем белье. все небриты и поддаты.
я говорю им: «так, обезьяны, быстро очистили ебаный
коридор! мне больно на вас даже смотреть!» «человек умер,
сэр. он был нашим другом», говорит один из них.
это Бенни Карманник. «хорошо, Бенни», говорю я ему,
«каждый, у кого долг по оплате, может прямо сейчас
выметаться». надо было видеть, с какой скоростью все исчезли.
ничья смерть не стоит того, чтобы самому сдохнуть ночью на улице.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

трудно
было стоять
трудно было нагибаться

он был толстяком
с большими глазами
низким
лбом
с постоянной
ухмылкой
из-за
отвисающей
челюсти

зашиб насмерть
старшего сына
во время
вспышки гнева

по-видимому
чувствовал
постоянную тревогу
в свои 40

превосходивший всех
в росте
и по части кровавой резни

умер в 1584-ом
в 54 года
весил
209
фунтов

прошлым летом
исследовали его скелет
из Архангельского собора
Кремля
чтобы
понять
как он выглядел
при жизни

оказалось
что его лицо
похоже на лицо
обычного
водителя автобуса.

ТЕ ДВОЕ СНАРУЖИ, ИХ КОСТИ ЛОМАЮТСЯ, СЛОВНО У МЕНЯ НА КУХНЕ

они взбираются на крышу своего гаража
обоим лет по 80 или даже 90
стоя у края
она действительно
может свалиться
но она решила поработать тяпкой
на старой крыше

а он
очень боится
он не переставая молиться простоял на коленях много дней
заливая крышу смолой
его ухо слышит звуки
приближающегося дождя
и он говорит
мама будь осторожней

она ничего не отвечает
и делает ямку
из которой тюльпан
не появится никогда.

БОЛЬШОЙ УБЛЮДОК С МЕЧОМ

слушайте, я отправился постричься, был практически идеальный день, пока это не случилось, я решил сесть в кресло и подождать очередь, тут нашелся журнал – обычный такой: постоянно мелькающие дамочки с грудью и тому подобное, я перевернул очередную страницу и там были фотографии с азиатами на каком-то поле, среди них был большой ублюдок с мечом – заголовок гласил, что у него хороший замах, чрезвычайная сила и на фотографии он был словно к чему-то готов, я увидел другого азиата, стоящего на коленях с закрытыми глазами, затем – ВЖИК! – он так и остался стоять уже без головы, и я мог видеть срез на его шее, откуда еще не хлынула кровь, отсечение было мгновенным, там были фотографии других обезглавленных, а еще фото их голов, перекатывающихся в траве, и солнце светило

над ними.

головы выглядели почти живыми, будто никто и не умер – и тут парикмахер заорал «следующий!»

я встал из кресла, моя голова все еще была на месте, голова парикмахера сказала моей

«какую длину волос оставить?»

«среднюю», ответил я.

он выглядел милым, здравомыслящим парнем, и было здорово находиться рядом с вменяемым человеком, и я хотел спросить о тех головах, но подумал, что это может расстроить его, или даже подать идею, или вдруг он скажет что-нибудь такое, от чего я уже не смогу успокоиться.

я слушал, как он стриг волосы, болтая о своем малыше, а я пробовал сконцентрироваться на его малыше, это казалось правильным и логичным, но никак не мог заставить себя перестать думать о головах.

когда он закончил стричь, то повернул меня в кресле, чтобы я мог взглянуть в зеркало. моя голова была на месте. «отлично», сказал я ему, встал с кресла и заплатил, оставив хорошие чаевые.

я шел, а рядом шли женщины, и у всех у них были

головы, и у всех водителей автомобилей были
головы.

я пытался сконцентрироваться на грудях, подумав,
что это правильней, они постоянно вокруг меня мелькали,
или на волшебных, прекрасных ногах, секс ведь отличная
штука, но день был безнадежно испорчен и только ночной сон
мог избавить меня от тех голов. было ужасно чувствовать себя
человеком: они были
повсюду.

я увидел свою голову в витрине,
это было отражение,
у моей головы была сигарета
и моя голова выглядела уставшей и печальной,
она не радовалась новой
прическе.

затем
все исчезло
и я пошел
мимо домов, забитых мебелью и котами,
собаками и людьми,
и все они были счастливы. я бросил сигарету
в сторону сточной канавы,
посмотрел, как она догорает на асфальте,
рыжевато-белая, осторожно на нее плюнул
и решил, что с солнцем
все в порядке.

НЕ ВЫНОШУ СЛЕЗ

несколько сотен придурков окружило
гуся, сломавшего лапку,
все вместе решали,
что делать,
затем подошел охранник,
вытащил свою пушку
и вопрос для всех отпал,
за исключением женщины,
выбежавшей из хижины
и заоравшей, что убили ее домашнее животное,
на что охранник, поправив ремень,
сказал –
поцелуй меня в задницу
и напиши жалобу президенту;
женщина заплакала,
а я не выношу слез.
поэтому я свернул свой холст,
и двинулся дальше:
сволочи уничтожили
мой пейзаж.

УЛИТКИ

моя мать стояла
у окна
и смотрела на отца
на
заднем дворе.
он склонился
над цветочной клумбой,
такой тихий,
такой напряженный.

«что он там
делает?» спросила
меня мать.

«не знаю».

«смотри, он даже
не двигается, он
как статуя!»

«ага».

«пойду посмотрю,
что он там делает!»

я проводил ее
взглядом.
она подошла к отцу
со спины
очень тихо.
затем закричала.

она вбежала
в дом
с криками
«боже мой! боже мой!
боже мой!»

«что случилось?»
спросил я.

«что случилось?
что случилось?»

он смотрит как улитки
делают
Это!»

прозвучал долгий
и ужасный вопль.
слезы бежали
по ее лицу.

вошел отец.
«да заткнись ты!»
произнес он.

«зачем ты это
делал?
зачем ты смотрел?»

«я сказал тебе заткнуться!»

я вышел из комнаты,
пошел в спальню
и
закрыл дверь.

мне все равно было слышно,
как они орут,
казалось, этому не будет конца.
затем послышался
звук
разбитого стекла
и хлопнула
дверь.

я вернулся
в комнату.
мать сидела
на диване,
слезы все еще
текли по ее лицу.

она посмотрела на меня.
«зачем он это делал?
господи, зачем он это
делал?»

«не знаю»,
ответил я.

развернулся
и отправился
в спальню.

СМЕРТЬ СИДЕЛА НА МОИХ КОЛЕНЯХ И ЛОПАЛАСЬ ОТ СМЕХА

я написал за неделю три рассказа
и отправил их в Atlantic Monthly .
они все вернулись назад.
все мои деньги ушли на конверты, штемпели,
бумагу и вино.
я похудел. я мог
втянуть свои щеки настолько,
что они соединялись над
языком (тогда я много думал о
«Голоде» Гамсуна, там герой поедает
свою плоть; я попробовал укусить себя
за запястье, но оно было очень соленым).

так или иначе, однажды вечером в Майами-Бич
(понятия не имею, как я попал в этот
город) я понял, что не ел уже 60 часов.
я достал свои последние
пенни,
отправился в булочную на углу
и купил буханку хлеба.
я планировал медленно прожевать каждый кусочек,
словно это кусочки индейки
или ароматного
стейка.
я вернулся в комнату и
развернул хлеб.
он был покрыт зеленой
плесенью.

вечеринка отменялась.
я бросил хлеб на
пол
и, расстроенный,
сел на кровать, задумавшись
о зеленой плесени.

я уже заплатил за жилье
и за право слышать все звуки
всех людей в этом
отеле.

на полу валялись
листы с дюжиной рассказов

с дюжиной отказов
от Atlantic Monthly.

был ранний вечер, но я
выключил свет
и лег в постель.
вскоре я понял,
что явились мыши,
мне было слышно, как они бегают вокруг моих
бессмертных рассказов и
едят
хлеб с зеленой плесенью.

утром,
проснувшись,
я увидел, что
от хлеба
осталась
только зеленая
плесень.
мыши аккуратно съели хлеб
до самых краев,
не притронувшись к плесени,
оставив ее
среди рассказов
и отказов.
и тут я услышал звук
пылесоса
моей хозяйки,
который глухо гудел
в вестибюле
и медленно приближался к моей
двери.

ВОЛШЕБНАЯ МАШИНКА

мне нравятся старые пластинки
с их царапинами,
нравится, как игла скользит
по изношенным
бороздкам.
ты слушаешь голос,
исходящий
из колонки,
и кажется, что человек
прямо там, внутри
коробки
из красного дерева

ты слушаешь
музыку, когда твоих родителей
уже нет.
нужно только хорошо прочистить
«виктролу»,
чтобы она не крутилась медленно
и не останавливалась.

это лучшее, что может быть
в конце дня,
когда пластинки
говорят
на языке любви.
о любви, о любви, о любви.
у некоторых
красивые лиловые
наклейки,
у других оранжевые, зеленые,
желтые, красные, синие.

«виктрола» принадлежала
моему деду
и когда-то он крутил
эти
пластинки.
я был тогда
совсем
мальчишкой.
и нет в моей жизни
ничего лучшего,

чем слушать
пластинки,
когда родителей
уже
нет.

КАК-ТО ТАК

единственное, что я вспоминаю
о лете
в Нью-Йорке,
это пожарные лестницы на домах
и то, как люди
выходили на них
по вечерам,
когда солнце
садилось
за здания.
тени удлинялись,
кто-то отправлялся спать,
а кто-то продолжал тихо сидеть
в прохладе.

на многих
подоконниках
стояли цветочные горшки
с красной
геранью.
полуодетые
люди
отдыхали
на лестницах
и повсюду
была
красная герань.

это, конечно,
лучше видеть,
чем слушать меня, -

огромная, яркая,
удивительная картина,
которую повесили именно в этом
месте.

ЗООПАРК

на слонах налипла грязь и они выглядели уставшими,
носороги были неподвижны,
зебры были как тупые мертвые растения,
львы не рычали,
львам все было безразлично,
хищников перекормили,
крокодилы не двигались,
но там была странная обезьянка,
забыл, как называется эта порода,
это был самец, он забрался на высокий выступ,
залез на самку и начал трудиться,
кончил,
упал на спину и ухмыльнулся.
я сказал своей подружке
пойдем, хоть что-то здесь произошло.

вернувшись домой, мы поговорили об этом.

зоопарк очень печальное место, сказал я,
снимая одежду.

только те две обезьянки были счастливы, ответила она,
тоже снимая
одежду.

ты видела, какая морда была у самца?
спросил я.

ты выглядишь похоже после секса, ответила
она.

позже в зеркале я увидел
морду обезьяны странной породы. и
вдруг мне понравились жирафы,
носороги, слоны, особенно
слоны.

надо будет снова сходить в зоопарк.

«НЕТ ФУРИИ В АДУ СТРАШНЕЙ...»

она поджидала в своем оранжевом фольксвагене,
когда я поднимался вверх по улице
с двумя упаковками пива и пинтой виски.
она выскочила,
выхватила у меня пивные бутылки
и стала бросать их на тротуар,
затем выхватила пинту виски
и тоже расколотила,
прокричав: ого! так ты шел,
чтобы напоить ее и выебать!
я стоял рядом с крыльцом, где была другая
женщина на ступеньках.
моя дама взлетела по этим ступенькам
и начала лупить женщину
своей сумочкой, крича:
это мой мужчина! это мой мужчина!
затем сбежала вниз
и, прыгнув в свой оранжевый фольксваген,
уехала.
я вернулся с метлой
и начал сметать стекло,
когда послышался звук
возвращающегося оранжевого фольксвагена.
машина остановилась
рядом со мной –
так близко,
что пришлось отпрыгнуть к стене.
я поднял метлу и продолжил подметать
осколки.
она подскочила,
отобрала метлу и разломала ее на три
части,
потом нашла не разбившуюся бутылку
и швырнула ее в стеклянную дверь.
в двери зияла круглая дыра.
другая женщина заорала
с лестницы: ради всего святого, Буковски, уебывай уже
с ней!

я сел в оранжевый фольксваген
и мы уехали вдвоем.

СТАРОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

я проезжал по мосту, когда
поймал неизвестную мне
радиостанцию,
там какой-то старикан
разговаривал с женщиной доктором.

«Доктор Стэйси», говорил он,
«у моей жены перемены
в жизни.
она перестала соображать, она
словно не в себе».

у старика был мягкий,
плаксивый голос.

«хорошо, продолжайте»
произнесла доктор Стэйси.

«Доктор, после 24 лет
брака она уходит
к более молодому мужчине...
да, я старый, он молодой,
мне кажется,
что она пытается заменить
меня на него.
она говорит, что любит меня,
но уходит
к нему».

я ехал на скачки
в Лос Аламитос.
я проехал мост и повернул
на свою любимую скоростную автомагистраль.
здесь за несколько миль
можно заметить полицейскую машину.
я увеличил скорость до 75, потом до 80,
потом до 85.

«Доктор, этот мужчина много пьет,
а моя жена говорит,
что если он не остановится,
она бросит
его,

но он пьет, не переставая,
и она по-прежнему остается
с ним.

я похудел, меня уволили
с нескольких работ, я не могу
сконцентрироваться».

«понимаю», отвечает
доктор Стэйси.

я набираю скорость до
90.

«... моя жена назначает
свидания этому мужчине,
а потом свидания мне...»

как романтично, думаю я,
у мужчины
свидания
с собственной женой.

«... в поисках работы
я вернулся на восток.
я отправил ей деньги,
чтобы она приехала
на недельку.
она казалась счастливой,
говорила, что любит меня,
но когда мы
вернулись,
она снова начала
видеться с ним. я снова
потерял работу, не мог
сконцентрироваться...»

я скинул скорость
до 60
и закурил сигарету.

«очевидно, что вам очень
дорога ваша жена»,
сказала доктор Стэйси старику.

«я люблю ее, доктор, но она

вызывает у меня
отчаяние и тоску.
она мучает меня
в точности как
первая жена».

«о, вы уже были
женаты?»,
спросила доктор Стэйси.

радио зашумело и
замолчало.
я хотел услышать,
что доктор ответит
ему.

я наклонился,
чтобы поймать станцию,
но,
как не старался,
не мог
найти ее снова.

я ехал
и одновременно
пытался ее вернуть,
крутя
ручки настроек,
но попадал на
другие станции –
музыкальные, новостные,
станции религиозных фанатиков.
все было бесполезно.
и я бросил это занятие.

у меня были мысли
насчет того, что должна доктор Стэйси
сказать старику,
как вдруг, выехав
на Уиллоу-стрит, услышал: «если вы
достаточно любите ее,
наберитесь терпения
и веры, просто смиритесь
и ждите.
когда ее интрижка

закончится,
она вернется к вам,
она должна понять,
что у вас с ней все по-настоящему».

ну, что за хуйня, доктор Стэйси,
произнес я,
ему нужно
отпиздить этого козла
на ступеньках
его дома,
пойти напиться,
потом отправиться в публичный дом,
потом найти новую домохозяйку
с большой задницей
и шведским
акцентом
и играть с ней по вечерам
в карты.

вынеся такое
решение,
я приехал
на скачки,
чрезвычайно
довольный
собой.

ЛАНЧ

я припарковался
и решил поесть.
это был новый ресторанчик,
совсем небольшой,
за стойкой стоял
маленький человечек,
почти карлик.
мило, подумал я,
что человек такой крошечный,
а держит свой собственный ресторан.
но он очень нервничал, чего он
нервничал?
я сделал заказ и
сказал ему «приготовьте пока,
а я вернусь, только схожу
за
газетой».
«окей», ответил он.
я прошел мимо девушки мексиканки,
мывшей пол.

когда вернулся,
девушка все еще мыла,
а заказ мне
не принесли.
человечек орал на
девушку «поторапливайся и
заканчивай мыть! скоро
уже появятся люди
и ты должна
помочь мне
с заказами!»

«я уже здесь,
готов ли мой заказ?»

«минуточку».
он забежал в туалет,
причем дверь оставив
полуоткрытой.
стукнул сиденьем,
стянул штаны
с трусами вниз

одним движением
и занялся делом.

«принеси чертов
кофе!» сидя там,
вопил человечек
на девушку.

потом он умолк
и опустил голову,
решая какую-то
новую проблему.
увидев, как человечек
закончил,
я стал убеждать себя,
что он
помыл руки.

он
выбежал
и начал готовить
мой заказ.
девушка по-прежнему
мыла.

я сидел
за маленьким столиком
и читал заголовки:
русские
снова стояли
на польской границе.

я проверил результаты
скачек и
выигрышные ставки.

«окей», завопил
маленький человечек
мне «готово!»

я пошел
оплатить
заказ,
вернулся назад
к столу,

начал есть,
читая:
член городского совета обвиняется
в том, что имел секс
с тремя несовершеннолетними,
которым давал наркотики.
девочкам было 14, 15 и 16 лет.
член городского совета
отрицает обвинения.

«хватит мыть!» заорал
человечек на девушку «ты до сих пор
не сделала кофе?»

девушка подошла со шваброй
к моему столу. пол выглядел чистым.
ей было, наверное, лет 20.
«помогите мне», сказала она.
у нее был сильный акцент.
«что?», спросил я.
«помогите мне!», повторила она
более выразительно.
ее глаза были темно-карими
и я увидел в них
панику.

«о, да», улыбнулся я.

она замерла
и продолжила свою работу.

«иди сюда!», снова заорал
на нее человечек.

она поставила швабру в ведро
и пошла за стойку.

«ты ничего не умеешь!» визжал
на нее человечек. «слушайся меня
и, может быть, тогда чему-то научишься!»

я закончил есть
и
вышел.

когда открыл
машину,
я посмотрел
через лобовое стекло
на ресторан.
я слышал голос
человечка,
но не мог
разобрать
слова,
я видел, как
он размахивает
руками
все время крича.

она была
в коротком красном платье
и белых тапочках,
стояла перед человечком
и слушала
его.

я
завел машину
и
выехал
с парковки
в переулок,
свернул дальше
направо,
потом
налево,
доехал до следующей
улицы,
потом свернул
направо
и
очутился
на скоростном шоссе.
это был
мой путь.

БЕЗЗВУЧИЕ

считается,
что на свиданиях
мужчина
много говорит.

когда он и она
начинают жить вместе
или
женятся,
женщина
начинает говорить все больше и больше,
а мужчина
со временем
начинает говорит все меньше и меньше
и,
можете поверить,
почти всегда
мужчина
погружается
в молчание,
превращаясь
в какое-то немое животное
с вырванным
языком.

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ОСОБОГО РОДА

мы идем в кино или нет?
спрашивает она его.

хорошо, говорит он, пойдём.

я могу снять трусики
и ты выебешь меня пальцами
в темноте, говорит она.

мы купим поп-корн?
спрашивает он.

конечно, отвечает она.

не снимай трусы,
говорит он.

почему? спрашивает она.

я просто хочу посмотреть фильм,
отвечает он.

послушай, говорит она, я могу выйти
на улицу, где сотня мужчин
с радостью отымеет
меня.

хорошо, отвечает он, вперед.
я останусь дома и почитаю National
Enquirer.

сукин ты сын, говорит она, я
пытаюсь строить с тобой глубокие
отношения.

ты не умеешь строить отношения,
отвечает он.

мы идем в кино или нет?
спрашивает она.

хорошо, говорит он,
пойдём...

на углу Западной и
Франклина он включает поворотник
перед тем, как повернуть влево,
а мужчина на другой полосе
набирает скорость
и подрезает его.

скрипят тормоза. аварии,
к счастью, не происходит.

он орет на мужчину в машине.
мужчина орет в ответ. он замечает,
что с женщиной в машине кто-то есть.
и видит, что это его собственная жена.

они тоже собрались
в кино.

МАМА

я здесь,

в земле,
мой рот
открыт,

но

я не могу даже произнести слово

мама,

а

собаки бегут мимо, останавливаются и ссут
на мой надгробный камень; я радуюсь всему,
кроме солнца,

а еще мой костюм выглядит

ужасно

и со вчерашнего дня

у меня больше нет левой

руки, она

совсем отвалилась, все похоже на музыкальный инструмент
без музыки

по крайней мере, я знаю, что пьяный
с сигаретой в постели

может собрать в одном месте

5 пожарных машин

с 33 мужиками,

но теперь я

могу

ничего

не делать.

и постскрипtum – Гектор Ричмонд в соседней
могиле думает только о Моцарте и
леденцах-тянучках.

я

в очень плохой

компании.

НОГТИ

медсестра осмотрела мое
лицо.

«вы работаете на фабрике?»,
спросила она.

«нет», ответил я.

«значит, это случилось
не на работе?»

«нет, я
не работаю».

«а как это случилось?»,
снова спросила медсестра.

«женские ногти»,
объяснил я.

«о», засмеялась она,
«хорошо, пока вам нужно ответить
на эти вопросы. доктор примет вас
через минуту».

она оставила лист
со странными вопросами:
лежали ли вы
в психбольнице?
были венерические заболевания?
живы ли ваши
родители?
ладите ли вы
с начальством?
спите ли вы на
спине?
вы сексуально активны?
какой ваш любимый
цвет?
сможете ли перенести боль,
если нужно?

я подумал, возможно
медсестра дала
не тот вопросник.

там было больше дюжины
подобных
вопросов.

не знаю,
на все ли вопросы
я ответил.

зашел доктор,
мельком глянул на лист
и положил его.

«вы говорите, что это сделала
женщина?»

«да».

«она вас не укусила?»

«укусила».

«что вы от меня хотите?»

«противостолбнячную сыворотку».

«когда вам ее последний раз
делали?»

«не знаю».

доктор схватил мою
голову и начал
крутить ее во все стороны.

некоторые раны
открылись
и потекла
кровь.

«как себя чувствуете?»
спросил доктор.

«отлично», ответил
я.

«окей», сказал он, «медсестра
уколет
вас».

он направился
к выходу,
остановился и
повернулся. «кстати,
почему женщина так
поступила с вами?»

«хотел бы и я знать,
очень хотел бы».

доктор ушел.
кровь бежала
тонкой струйкой и капала
на воротник
футболки. я закрыл
глаза и ждал.

ХИМИЯ ВЕЩЕЙ

я всегда считал Мэри Лу тощей
и не особо даже глядел на нее,
тогда как другие ребята
считали ее
горячей штучкой.
возможно, поэтому она крутилась
возле меня в средней школе.
мое безразличие заводило
ее.

я был крутым и независимым тогда,
а когда ребята спрашивали
«ты еще не выебал Мэри Лу?»
я честно отвечал
им: «она мне
неинтересна».

в школе работал парень,
преподававший химию.
мистер Хамм. Хамм носил маленькую
«бабочку» и дешевый, всегда помятый,
черный пиджак, он
считал себя
умным.

однажды Мэри Лу подошла
ко мне
и рассказала, что Хамм оставил ее
после уроков,
затащил
на чердак,
стал целовать и
залез ей
в трусики.
она плакала «что мне теперь
делать?»

«забей», сказал я ей,
«это химикаты попали ему
в мозг. у нас учительница английского
постоянно задирает юбку выше
коленей и готова отправиться в постель
с любым из парней в классе. это забавно,

но мы игнорируем ее».

«почему бы тебе не избить мистера Хамма?»
спросила она.

«я-то могу, но меня переведут
в Стюарт Холл».

в Стюарт Холле из тебя выбивали
все дерьмо,
там не было математики, английского
или музыки, они просто загоняли тебя
в автомастерскую,
где ты чинил старые машины,
которые они прибыльно
перепродавали.

«кажется, тебе плевать на меня», сказала Мэри
Лу, «можешь представить себе, как он
целовал меня, засовывал язык мне
в рот и
лапал?»

«ну», ответил я, «мы видели киску миссис Лэттимор
как-то на уроке английского».

Мэри Лу убежала
в слезах...

она все рассказала
матери и Хамм получил свое,
его
уволители, бедного сукиного
сына.

потом парни спрашивали меня
«эй, что ты думаешь
о Хамме, который лапал задницу
твоей девчонки?»

«просто еще один парень, у которого
нет вкуса», отвечал я.

я был крутым и независимым тогда
и продолжил учиться

в старших классах,
а Мэри Лу
тайно
вышла замуж
на четвертом году учебы
за парня,
которого я знал, с ним я
выпивал и пару раз
выбивал из него
дерьмо.

парень думал, что он
что-то из себя представляет.
он хотел, чтобы я был
шафером.

я поблагодарил, пожелал удачи
и отказался.

никогда не понимал,
что все они находили
в Мэри Лу.
особенно бедняга Хамм:
одиноким больной старый
козел.

так или иначе, позже я отправился
в колледж,
где единственным сексуальным домогательством,
с которым пришлось столкнуться,
было то, что они делали
с моими мозгами.

ГИТАРИСТ

он приехал из Южной Каролины
со своей молодой женой и
двумя детьми.
у него был новый красный грузовичок
и гитара.
ну, вы знаете,
как это случается,
когда в родном городке
все говорят тебе,
что ты отлично играешь.

получив работу
по озеленению ландшафта,
он поселился в
фасадной квартирке вместе с женой
и двумя детьми.
спустившись,
я познакомился с ним,
мы выпили,
я слушал, как он
пел –
неплохо,
не так, чтобы уж совсем супер,
но
неплохо,
хотя, знаете,
по соседству
и без того было столько гитаристов
и певцов,
не плохих и не великих,
но
вполне хороших.

его звали
Рекс.
со временем Рекс
познакомился с другим парнем,
который жил
тут же,
его звали Дел.
он продавал траву
и «спиды»,
а иногда

и героин.

Рекс стал подвисать
с Делом.
к Делу я был
равнодушен.
у него была дворняжка,
которую он держал
на веревке
и
часто
избивал.

вскоре Рекс
перестал петь
и бросил
работу.
его жена
пошла работать
уборщицей в дом на холме,
принадлежавший
какому-то
богатому парню,
и, возможно, за какую-то часть работы
он отдал ей одну из своих
подержанных машин.
его дети
слонялись
по
улице,
а Рекса
я перестал
встречать.
он просто
не выходил из комнаты
с опущенными
шторами.

я спрашивал его
жену, «с Рексом
все в порядке?»

«ему постоянно
хочется спать»,
отвечала она.

впрочем,
Рексу еще повезло.
однажды
он
огляделся вокруг
и погрузил свою семью,
свою гитару
и какие-то пожитки
в
красный грузовичок
и поехал на нем
без остановки
до самой Южной Каролины.

вскоре у Дела
случилась передозировка
и его тело
вынесли
в
застегнутом на молнию
черном
мешке,
но
одна из его
голых ног
свесилась
и мешала
тащить тело
вниз.

кто-то забрал
дворняжку,
а жена Рекса
написала нам
из Южной Каролины –
муж
снова поет,
Рекс теперь подумывает
поехать в Нэшвилл,
у него
хорошая работа
и это
просто здорово,
что

мы были знакомы с вами.
вы
были
единственными,
у кого во дворике
росли
цветы
и
был
огородик
у входа.
из-за этого мы
сразу выбрали ваше место своим домом.
Рекс
сказал вам
«здравствуйте».

ИСПАНСКИЕ ВОРОТА

после чтений мы отправились к ней, в ее большой дом с прекрасными железными воротами, привезенными из Испании, и двумя любящими дочерьми, улыбавшихся губами, глазами и телами, потом они ушли, а мы сидели с дамой на кухне и она показала мне свой роман, вышедший в Европе много лет назад. я смотрел на обложку, листал страницы, но не заинтересовался книгой: мне дали гонорар за выступление и молодая девушка в милом домике в Лос-Анджелесе ждала меня.

эта дама была воспитанной или, как минимум, казалась такой, она говорила с европейским акцентом и мне было хорошо сидеть и смотреть на дымок ее длинных сигарет.

она предложила мне переночевать в отдельной спальне, я согласился, мы болтали дальше, потом она показала мне мою спальню и вышла, а я ненадолго залез под одеяло, затем встал, нашел ее спальню и залез к ней в постель, мы занялись обычными ночными делами, потом уснули, а на утро я ушел через ее ворота, привезенные из Испании, взял такси до аэропорта и улетел к своей девочке в Лос-Анджелес, к ее милому домику.

через пару недель пришла посылка по почте от дамы. она прислала свой роман, опубликованный в Европе важным издательством много лет назад. она подписалась как «любовь» и попросила во вложенном письме узнать у моего издателя, согласится ли он сейчас переиздать ее книгу здесь, в Америке.

я прочел
и книга мне вполне понравилась.
я отослал ее своему издателю.

это было одиннадцать лет назад, и мой издатель
так и не напечатал ее книгу,
а я пишу об этом стихотворение.

возможно, об этом не стоило ничего сочинять
или вообще рассказывать,
за исключением того,
что я скучаю
по тем
прекрасным,
привезенным
из Испании,
воротам.

КОФЕЙНЯ

она принесла заказ и я начал
есть

«все хорошо?»,
спросила она.
«да, спасибо...»
«еще кофе?»
«хорошо...»

я читал газету
и ел.
«сливки?», спросила она.
«нет, спасибо...»

она налила
кофе.

прошло минут 5.
она вернулась
«все хорошо?»
«да»
«еще кофе?»
«нет»
«не хотите попробовать
наши десерты?»
«нет, спасибо...»
«бросьте, живем же
один раз!»
«да, я знаю...»

она снова ушла.
но ненадолго.

«хотите еще
роллы?»
«нет, спасибо...»
«любите
индейку?»
«да»
«вам стоит попробовать
наш ростбиф»
«считаете,
прямо сейчас?»
«нет, в следующий раз».

она так и стояла.
«я видела вас здесь
однажды с
дочерью»
«это была моя жена»
«о, вы женаты...»
«да»
«еще кофе?»
«хорошо»
«со сливками?»
«без сливок».

она вернулась
с
кофе.
снова ушла.

я отхлебнул.
кофе был невыносимо
крепкий.
похоже, здесь не чистили
кофе-машину.

пришло время идти
и мне был нужен счет.
я поискал глазами официантку.
ее нигде не было
видно.
я стал читать газету.
серийный убийца сварил
из отрубленных голов
суп.

пришел
помощник официантки,
забрал мою
тарелку,
оставив дрянной
кофе.

затем вернулся,
держа
кофейник.

«еще кофе?»

«нет, спасибо, не знаете,
где официантка?»

«нет»

«где же она?»

«я не знаю»

он ушел.

я сидел и ждал.
никто больше не появлялся.

я встал,
чтобы пойти поискать
официантку.
я нашел ее
на кухне,
она курила
сигарету и болтала
с поваром.

«можете меня
рассчитать?»
попросил я.

«о, да», улыбнулась
она.

я вернулся
и снова сел.
она появилась
со счетом.
она написала
свое имя
на обороте
«спасибо!
Каролина»
и нарисовала
маленькую улыбающуюся
мордочку.
она положила счет

в лужицу
на столе.

«еще кофе?»

«нет, спасибо»

«все было
хорошо?»

«да»

она ушла.
я оставил чаевые
и отправился к кассе
оплатить счет.
за кассой
стояла
владелица кофейни.
она взяла
деньги и протянула
сдачу,
не взглянув
на меня.
это была старая
женщина,
немного
толстая.
глазела на что-то
впереди себя,
она спросила
«все было
хорошо?»
«да», ответил я
и вышел
за дверь, на
улицу, в реальный
мир,
решив, что никогда
не вернусь сюда,
ни в этой жизни,
ни в следующей.
я нашел свою машину,
сел и, выехав,
подумал, что если сегодня это

был не ад,
то настоящий ад
не такое уж плохое
место.

Я ПОПАЛ, НЕ СДЕЛАВ ДАЖЕ ПОПЫТКИ...

она призналась мне,
почему решила
сделать это:

«когда я впервые
попала в твою квартиру,
оглядевшись,
увидела только грязь,
но ты был первым
мужчиной из тех, что я встречала,
у которого не было
телевизора,
и это было здорово,
и
я решила
выебать тебя».

разумеется,
мне
не понравилось,
что кто-то другой
решил это
вместо меня.

я пошел
и купил
подержанный
черно-белый телевизор
за 75 баксов.

но она все равно
снова залезла
ко мне в постель.

тогда я пошел
и купил
цветной телевизор
с большим экраном
и пультом,
но она все равно
снова залезла
ко мне в постель.

но мы слушали только
радио,
ели сэндвичи в
парке,
встречались со всеми ее сестрами
и ждали, когда между нами все
закончится.

СВЕТ

он не собирается умирать. ему 95. он спускается с холма, очень крутого холма, в бакалейную лавку. потом идет назад с большой сумкой, тяжело опираясь на свою трость.

старый Чарли. он не хочет, чтобы кто-то помогал ему.

у него самый большой дом на холме. двенадцать комнат. стоит полмиллиона.

его жене тоже 95, но она в частном доме для престарелых. несколько раз в неделю он ее навещает.

«она хорошо выглядит, но не узнает меня».

дети к Чарли не приезжают.

«они ждут, когда я схохну. а я живу назло им!»

раньше он смотрел телевизор со своей женой. теперь смотрит у себя в спальне.

«не могу заходить в ту комнату, там все напоминает о ней».

такой вот он.

он питается беконом и кукурузными хлопьями. выглядит отлично. 185 сантиметров, худощавый, вытянутый как стрела.

почтальон говорит мне «знаете старика по соседству? он такой остроумный».

старина Чарли. 95. а он не собирается умирать.

все, кого он знал, мертвы, за исключением жены, которая даже не узнает его.

для мужчины, вернувшегося в свой угол, он выглядит величественно. и когда придет смерть, лучше бы ей подойти к нему с почтением.

каждую ночь я вижу свет, горящий в его

комнате.

и это самая яркая метафора мужества, что я видел
за несколько десятилетий.

НОГИ, БЕДРА И ЗАД

нам нравился священник, потому что мы видели однажды,
как он покупал мороженое.

тогда нам было по 9 лет и, когда я заходил
к своему лучшему другу, его родители обычно
были пьяны,
дверь была открыта и слышалась
музыка по радио.

у его матери иногда задиралось платье
и ноги возбуждали меня,
делали меня нервным и пугливым, но, тем не менее,
возбуждали надетыми на них
нейлоновыми чулками и лакированными туфлями –
и все это несмотря на ее кривые зубы
и очень некрасивое лицо.

когда нам было по 10 его отец
пустил себе пулю
в висок,
но мой лучший друг с матерью
остались жить в том же доме,
а я продолжал глазеть на нее,
поднимающуюся вверх по улице на рынок
с сумкой для покупок.
я тихо шел за ней,
за ее ногами, бедрами и задом,
и смотрел, как все это движется.
она всегда мило разговаривала со мной,
а мы с ее сыном ходили вместе в церковь
на исповедь.
священник жил в доме
за церковью
и толстая женщина всегда
встречала нас,
когда мы заходили в гости,
и все казалось теплым
и уютным тогда,
в 1930-м,
потому что я не знал,
что это были времена
великой депрессии
и безумие, печаль и страх
были повсюду.

МЯСНИК ВАН ГОГ

перед тем, как мы уехали из Восточного Голливуда, мой кот
ввязался в драку, после которой
его ухо стало как цветная капуста.
теперь мы обустроились в Сан Педро
и вчера я свозил его в ветеринарную клинику.
там есть приемное отделение скорой помощи,
стоматология для животных,
шоковая терапия,
электрокардиограмма,
премедикация,
операционная,
психиатрическое отделение с
психоанализом и
модификацией поведения,
дерматологическое отделение,
интенсивная терапия с
персональным уходом и
круглосуточным наблюдением
за приемом
таблеток и
мазей.

цену мне выкатили
182 с половиной доллара.
к этому могли добавиться еще расходы
на последующие процедуры плюс лекарства.

«господи», сказал я ветеринару, «это десятилетний
кастрированный уличный кот. я могу на эти деньги
содержать дюжину таких».

ветеринар рисовал карандашом маленькие кружки на
клочке бумаги.

«хорошо», сказал я, «давайте».

«Мясник Чинаски», записал ветеринар имя
пациента.

когда я вернулся за ним через 3 часа,
большая часть его головы была перебинтована
и в ней была маленькая дырочка, просверленная
сбоку. он вошел в комнату в сопровождении 6

сестер в тугой белой сорочке.

«что вы сделали с ним?», спросил я,
«лоботомию?»

мы вернулись домой, он сидит на кухонной плите
и пялится на меня. несчастный. теперь он
Мясник Ван Гог Чинаски.

один мой друг сказал мне:
«чувак, все, к чему ты прикасаешься, превращается в дерьмо».

так и есть.

УДАР ПИВНОЙ БУТЫЛКОЙ

в «Раю Генри»
была спокойная ночь
когда вошла она.
ей было где-то 33
и вся она была сложена
словно из 33 кирпичиков.
в этом баре подобных женщин
не было
лет 13.

когда она села
и заказала двойной виски,
Генри сказал «бесплатно,
детка».

она подняла стакан
и осушила
его.

волосы обрамляли
ее лицо,
грязные
и невымытые,
но у нее были
другие
достоинства.

все парни смотрели
как Генри
наполняет ее стакан снова.

«черт», сказала она,
«черт».

больше она ничего
не сказала.
выпила
виски,
забралась на стул
и
встала
на своих длинных каблуках
на стойку бара.

она стояла
и смотрела на
парней.

«музыкальный автомат»,
произнесла она.

было трудно
разобрать,
что она говорила,
все
видели,
что зубов у нее во рту
нет,
но ей было всего

33

и, учитывая все ее
остальные достоинства,
нам было плевать.
кто-то бросил монету
в музыкальный автомат
и
начался
сексуальный танец.
покачиваясь,
она подняла
юбку.

«давай, детка,
сделай это!», сказал
какой-то старик.

«у меня стоит словно
скала в Гибралтаре!»,
сказал другой старик.

она начала
раздеваться.
сняла платье
совсем.
затем
лифчик.

музыкальный автомат

умолк.

она остановилась
и сказала
«черт».

один из стариков
подпрыгнул
и бросил
еще монету.

упали
трусики
и она
начала
изгибаться назад,
разведя при этом ноги.

многие ребята,
глазевшие на нее,
не видели голую женщину
десятилетиями.

она действительно умела
танцевать.
она положила
свою голову
между
ног
и развела
руками
ягодицы.

затем она
взяла пивную бутылку,
опустилась
на колени
и
выпила ее.

потом
слезла
со стойки
и
нашла

свое белье.

одевшись,
она снова
села
у бара.

Генри наполнил
стакан.
она
выпила.

было
2 ночи.

«крошка», сказал Генри,
«я должен закрываться,
но ты можешь остаться».

«остаться?», спросила она.
«я хочу раздеться
на улице!»

она вышла
и все вышли
следом,
включая Генри.

там,
на улице,
она снова
начала раздеваться,
сбросила
платье,
сбросила
лифчик,

затем,
все сняв,
она раскрыла свою
сумочку.
вынула
из нее
пистолет,
нацелилась

куда-то
и
нажала
на курок.

выстрелила.

пуля
срикошетила
и
попала
Генри
прямо в пах.

она убрала
пистолет
назад в сумочку
и пошла
вниз по улице
в одних
трусиках.

полицейские не нашли
ее
ни той ночью,
ни следующей,
вообще не нашли.

куда вообще может пойти
женщина,
сложенная словно
из 33 кирпичиков
и одетая
в одни трусики?

и вы сами знаете,
что они сказали
о ее выбитых
зубах.

4 ИЮЛЯ В НАЧАЛЕ ТРИДЦАТЫХ

праздновать было, в общем-то,
ничего,
наши отцы были безработными
и все питались выдаваемыми по талонам консервами,
у которых был
отвратительный вкус.
ничего не происходило,
воздух был пропитан
повальной безработицей,
но я помню то утро,
было 6 часов 4 июля
1932 года (а может 1933 или 1934, не уверен),
когда я услышал громкие взрывы
за окном:
ОГРОМНЫЕ ПЕТАРДЫ!

я соскочил с постели, быстро
оделся, выбежал наружу,
по Лонгвуд-авеню,
шел мой приятель
Джин,
подбрасывая
в воздух
огромные петарды.

утренний туман
начал только рассеиваться
и первые лучи солнца
падали
на
Джина,
сотрясавшего
взрывами
воздух.

я подбежал к нему
- черт! что это у тебя? -

- «вишневые бомбы»!
их у меня
много -

у него также была

какая-то штуковина
с металлическим стержнем,
у которого был раскаленный докрасна
конец.

Джин поднес штуковину
к фитилю,
подождал, когда он загорится,
и подбросил петарду вверх,
и она взорвалась
на уровне
арки дома.

на балкон
вылез какой-то мужик
в пижаме.

- ЭЙ, ПАЦАНЫ, ЗАВЯЗЫВАЙТЕ С ЭТИМ
ДЕРЬМОМ! МНЕ СПАТЬ НАДО! -

- а ты спустишь и останови
нас! - ответил Джин
(он был рослым для своего
возраста).

- Я ВСЕ РАССКАЖУ ТВОЕМУ ОТЦУ! -

Джин рассмеялся, поджег петарду
и бросил ее в сторону
мужика. она приземлилась
прямым
на подоконник.

«БАБАХ!»

оконное стекло, к счастью,
не разлетелось вдребезги.

мужик
исчез.

Джин протянул мне
петарду.

- попробуй-ка

одну... -

я поджег фитиль, подождал
пока не стало страшно,
и подбросил петарду.
она взорвалась в метрах трех
над моей головой.

- не плохо, -
сказал Джин.

мы отправились вверх по Лонгвуд-авеню
в сторону 21-ой улицы, свернули налево
и поднялись на холм.

- смотри, -
сказал Джин.

у ограды стоял
мусорный бак.
Джин снял с него крышку, положил
петарду внутрь
и закрыл
бак.

«БАБАХ!»

взрыв подбросил
крышку
на метр вверх.

- господи, какие они мощные! -

- ага, - согласился Джин.

мы поднялись немного
выше.
там стоял припаркованный автомобиль
со слегка приоткрытым окном
у сиденья
водителя.

- смотри, - сказал Джин.

он поджег петарду и бросил ее

в окно.

«БАБАХ!»

машину тряхнуло
и она заполнилась
голубым дымом.

- было круто! - сказал
я.

Джин начал поджигать петарды одну за другой
и бросать их изо всех сил
вверх,
где они взрывались.

и вот мы уже у дверей
его дома.
где-то полседьмого
утра.

- ну, вот, - произнес он,
- мне пора

- спасибо, Джин -

- да брось, увидимся
еще... -

и он зашел
в дом.

я отправился к себе,
открыл дверь,
и прошел
в гостиную.

отец услышал меня
из своей спальни.

- где тебя черти
носили? -

- праздник закончился... -

- смотри, сынок, как это прекрасно,
что мы живем
в великой стране! -

я поплелся в свою спальню
и лег,
не раздеваясь.

он, как обычно, все испортил,
подумал я,
и поздравил себя с этим.

ОДЕЖДА СТОИТ ДЕНЕГ

Хофстеттер носил панталоны с
гольфами, единственный ребенок в школе,
одевавшийся подобным образом, но он не сам
так одевался, мать его так
одевала. еще у него были
огромные очки в роговой оправе,
пухлое бледное лицо, да и весь он
был рыхлым, бледным и пухлым.
он носил яркие и пестрые свитера,
меняя их
каждый день, а обувь у него была
невероятной – огромные, квадратные, грубые,
черные ортопедические башмаки,
в которых он отправлялся в долгий путь
из школы к своему дому.
возможно, он проходил кварталов 12, я же
шел домой вместе с ним каждый день.
его путь домой никогда не был безопасным,
целая банда следовала за ним ежедневно,
дразня, придумывая клички, бросая
камнями и плюя в него. в итоге его окружали
и он получал обычную порцию пиздюлей.

они были старше его,
их всегда было человек пять-шесть и они
хорошенько его отделявали. они давали ему
подзатыльники и били в лицо,
он падал на колени, вставал и снова падал, молча,
воспринимая побои почти как ритуал,
поднимался, чтобы снова быть сбитым на землю,
кровь капала из носа
на его яркий свитер,
а лицо блестело от слез,
в которых отражалось полуполуденное
солнце, гольфы на коленках
были разорваны и испачканы,
сквозь них виднелись раны
от бесконечных падений,
все продолжалось до того момента, когда
он уже не мог встать, и банда медленно
уходила, продолжая выкрикивать
унизительные оскорбления.

это происходило изо дня
в день.

я всегда помогал ему собрать
разбросанные
разорванные
книги и тетради
и провожал до дома.
он с трудом шел на раненных ногах,
а одна из линз его очков
часто оказывалась выбитой.

изо дня в день,
когда он входил в дом,
я садился на лужайку
и слушал крики его матери
«ТЫ
ПОРВАЛ ОДЕЖДУ СНОВА!
ТЫ ЗАБЫЛ, ЧТО ОДЕЖДА
СТОИТ ДЕНЕГ?»

Хофстеттер никогда не отвечал,
затем слышались
наносимые матерью
удары и он иногда кричал
на фоне материнских криков
«ТЫ
ПОРВАЛ ОДЕЖДУ СНОВА!
ТЫ ЗАБЫЛ, ЧТО ОДЕЖДА
СТОИТ ДЕНЕГ?»

я уходил.

на следующий день
в школе Хофстеттер
вновь был одет в гольфы и
яркий свитер,
был обут в квадратные, грубые, черные ортопедические
башмаки. и все начиналось
заново – ему подкладывали жвачку на стул,
сыпали за шиворот
порошок, вызывавший зуд, стреляли
в него мокрыми комками бумаги
из рогаток, когда
учителя отворачивались

во время уроков...
жаркое лос-анджелесское солнце
било в окна,
школьные доски становились
скучными и неинтересными,
а Хофстеттер сидел рядом,
ожидая последний звонок,
чтобы отправиться домой,
изо дня в день, и ничего
не менялось, ничего
и не могло измениться.
этот ужасающий путь домой
просто малоизвестная история
бесчеловечности.

БОЛЕРО

слушая сейчас «Болеро» Равеля,
я вспоминаю себя мальчишкой
в кинотеатре.
на экране Джордж Рафт и он
танцует, близится конец
фильма и в него стреляют,
пуля, или даже несколько, попадают в тело,
но, несмотря на раны, он уверенно продолжает
свой танец под мелодию Равеля, продолжает
и продолжает танцевать, и видно,
что он сильно ранен,
но, сузив глаза,
он доводит танец до конца.
я впечатлен.
я хочу быть
Джорджем Рафтом.

прошло
десятилетие, или около того,
и сейчас я на ипподроме в Дель Мар,
я пьяница и азартный игрок, имеющий
проблемы с женщинами.
закончился второй забег,
и я, побродив, решаю
сделать ставку,
но не могу подняться по лестнице.
перед ней толпа народа,
я пытаюсь протиснуться
и спрашиваю кого-то «какого черта
здесь происходит? кто-то умер?»
«нет, это сам Джордж Рафт!»
«о, господи!» говорю
«мне же надо успеть поставить!»
я протискиваюсь сквозь толпу
и на середине
лестницы
вижу стоящего Джорджа Рафта.
он в мягкой шляпе,
низко надвинутой на глаза,
он, как всегда, выглядит круто.
он слегка свешивается через перила,
немного
позерствует,

а толпа пожирает его глазами.

«РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО!», ору я, «ПРОПУСТИТЕ МЕНЯ!»

«это же Джордж Рафт», кто-то шепчет мне.

я протискиваюсь дальше
и, поравнявшись с Рафтом, говорю
«МНЕ ПЛЕВАТЬ, ЧТО ТЫ
ДЖОРДЖ РАФТ, МНЕ НАДО СДЕЛАТЬ СТАВКУ!»

он просто смотрит на меня
и ничего не отвечает.

я продвигаюсь к окошку и
делаю ставку.
остается три минуты до начала.
я отправляюсь в бар и заказываю
скотч и воду.
я не брился два дня
и у меня похмелье.

я опрокидываю выпивку
и отправляюсь смотреть
забег.

как так получается, ты смотришь
кино, а потом – бац! – ты уже
внутри кино?

лошади выскакивают из ворот
и для меня начинает звучать «Болеро»!
прекрасные девушки танцуют
и улыбаются,
пока мир вращается вокруг солнца,
пока мой жокей пролетает мимо,
его шелковый костюм вспыхивает у меня
перед глазами, он скачет на моей лошади,
словно сверкающая летучая мышь
из ада, и я кричу «давай же! давай,
сукин ты сын!»

МИЛИТАРИСТСКАЯ ПОКУПКА

моя жена больше подвержена тревогам,
чем я, и однажды, зайдя
в военный магазин,
она сказала «я хочу
два противогаза».

«противогаза?»

«да, рядом с домом стоят эти
баки с горючим, и если они взорвутся,
нас накроет пламя
и газ!»

«никогда не думал об этом»,
ответил я.

жена нашла продавца и он быстро
нашел для нас противогазы – уродливые, громоздкие,
глупо выглядящие штуковины.
продавец показал, как ими
пользоваться.

«мы возьмем два», сказала
жена.

мы пошли на кассу.

«а у вас есть противогазы для кошек?», спросила
жена, «у нас их пятеро».

«кошек?», переспросил продавец.

«да, что будет с кошками, если случится
взрыв?»

«леди, кошки не похожи на нас, их мироустройство
проще».

«я думаю, кошки куда лучше нас»,
вставил я.

продавец глянул на меня. «у нас нет
противогазов для кошек».

«вы принимаете MasterCard?»,
спросил я.

«да».

продавец взял карту, сканировал ее,
выписал и протянул мне чек.

я
поставил подпись.

«у вас есть кошки?», спросила продавца
жена.

«у меня есть дети», ответил он.

«наши дети это кошки», сказала
жена.

продавец упаковал противогазы и протянул их
мне.

«у вас есть
кроссовки размера 43 с половиной?», спросил я.

«нет, сэр».

мы вышли из магазина.

продавец
даже не поблагодарил нас
за
покупку.

ПЛЯЖНЫЕ МАЛЬЧИКИ

на пляже сегодня одна молодежь.
у меня хорошее тело для своих лет,
бычья шея, грудь
и крепкие ноги.
но вот моя спина обезображена
болезнью.
я немного стесняюсь этого
и не хожу на пляж,
если только моя женщина не начинает настаивать
и не набирается храбрости отправиться туда
со мной,
а я не наберусь храбрости отправиться туда
с ней.

и я всегда удивляюсь, где старики, калеки
и уроды?
ведь они тоже должны быть на пляже?
где, скажем, одноногие?
обезображенные?
безрукие?

я смотрю на сверкающие под солнцем стройные, сильные тела
мальчишек и на их доски для серфинга.

кто-то из них закончит жизнь в сумасшедшем доме,
кто-то из них наберет лишних килограммов сорок,
кто-то из них покончит самоубийством,
а большинство из них просто перестанет появляться
на пляже.

а сейчас солнце и песок,
и мальчишки уменьшаются, заплывая в океан,
а страстные девчонки смотрят на них и ждут.

девчонки безрассудны и нравятся сами
себе.

я вытягиваюсь,
поворачиваюсь на живот,
закрываю глаза
и все они
внезапно
исчезают.

ПРЕМИЯ АКАДЕМИИ?

я сидел с дочкой и своей подругой
в кинотеатре «Вествуд Виллидж».
фильм получил восторженные отзывы,
но каждая его сцена
оказалась предсказуемой,
а весь фильм целиком представлял собой
длинную, сплошную, скучную банальность.
но зрителям это нравилось.
я подумал
«о, господи,
прошло уже час
пятнадцать».
я спросил дочку
и подругу:
«слушайте, будем смотреть
до конца?»
«ну, если тебе нравится», сказала
дочь,
«да, если тебе нравится», сказала
подруга.
«я-то здесь,
потому что думал,
что вам нравится».
«тоже самое и я думала»,
ответила дочка.
«аналогично»,
произнесла подруга.
это был великолепное мгновение:
оставаться не было ни единой
причины –
мы заплатили деньги,
но сбежали через
час пятнадцать,
попытавшись хоть как-то
компенсировать потраченное.
фильм был
трагическим описанием истории
1930-х
и, возможно, он получит
премию Академии,
но автомобили выглядели так чудесно
на парковке,
и, выезжая,

мы хохотали над
фильмом
снова и снова,
словно посмотрели отличную
комедию,
в которую всегда превращается
плохо поставленная
трагедия.

НЬЮ-ЙОРК, НЬЮ-ЙОРК

он говорил
по телефону «дорогая, если ты
не вернешься ко мне,
я убью себя!
клянусь!»

я прошел по коридору мимо него
и поднялся
к себе в комнату.
он был моим соседом и поэтом.
он носил шелковый шарф,
берет,
у него была козлиная бородка
и косичка сзади.

было 9 утра.
но я уже
устал.
я вошел в комнату
и повалился
на кровать.

где-то рядом был мужчина,
готовый убить себя из-за того,
что его покинула женщина.
у меня женщины не было
уже 3 года
и мне было
24.

я подумал, что в моей жизни явно чего-то
не достает.
я встал с кровати,
подошел к шкафу
и открыл бутылку
вина.
наполнил бокал
доверху.
выпил,
закупорил бутылку,
вышел из комнаты
и,
закрыв за собой

дверь,
спустился по лестнице.

мужчины там
уже не было.
я стоял и смотрел
на телефон.
мне некому было
позвонить.

я вышел
на улицу.
толпы
людей
ходили
туда-сюда.

я выбрал направление
и
пошел.
дошел до первого
попавшегося бара
и сел.
заказал пиво,
отхлебнул
и тут внезапно мне
пришло в голову:
«тот мужчина
говорил по телефону
сам с собой!»
не знаю почему,
но я был
уверен
в этом.

сукин ты сын,
сказал я себе, тебе надо
бежать из Гринвич-Виллидж,
пока не стал
таким же!

и последовал своему совету.

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ

мое лицо было все забинтовано,
пока я ездил туда на автобусе
каждый день.

там я садился на твердую длинную скамью
и ждал доктора.

каждый день в одно и то же время
туда приходил человек и садился
на твердую длинную скамью рядом со мной.

у этого человека очень странно
рос нос.

он был огромный, красный,
длинный и кривой.

мои собственные проблемы
скрывались под бинтами.

каждый день на твердой длинной скамье
мы проводили в ожидании много часов.
медсестры были милыми и шутили
с нами.

не знаю, что делали с носом
этого человека,
но его проблемы были
куда хуже
моих.

мы сидели на скамье каждый
день,
но так ни разу
и не заговорили.

я хорошо помню тот год.
почти все время держалась
прекрасная погода.
а в конце года мужчина внезапно
перестал приходить.

ни доктора, ни медсестры
никогда не говорили о нем,

кажется, они не скучали по нему,
а я продолжал сидеть на скамье
часами
с другими,
слишком обычными
людьми.

*

Кот проходит мимо и стряхивает Шекспира
со спины.

Я не хочу рисовать
как Мондриан,
я хочу рисовать как воробей, съеденный котом.

НОШУ ОШЕЙНИК

я живу с женщиной и четырьмя котами
бывают дни когда мы все
вместе.

бывают дни когда проблема
с одним из
котов.

в другие дни бывают проблемы
с двумя
котами.

бывают
с тремя.

бывают дни когда проблема
со всеми четырьмя
котами

и с
женщиной:

десять глаз смотрят на меня
словно я собака.

СОН

Снился сон я стоял в этой самой комнате
когда вошел крошечный-прекрошечный
человек.

он произнес
«я Человек-веревка и ты сам себя
удавишь».

я ответил
«о, нет я не буду».

«о, да удавишь»,
сказал он,
«непроизвольно».

перед ним была маленькая деревянная катушка
с намотанной
веревкой.

И передо мной была горка
веревки.

я потянулся взял в руку начал наматывать ее
себе на шею

я пытался остановить себя но
не мог

я затягивал веревку крепче и крепче затем
начал тянуть душа себя.

потом я услышал жену она вопила на Негодяя
одного из наших котов молодого непослушного
по утрам где-то полшестого
Негодяй начинал задирать одну из наших
кошек.

Я проснулся встал стащил Негодяя с кошки
и отнес вниз по лестнице открыл дверь
нежно швырнул его
за порог.

поднялся по лестнице лег в постель решил

не рассказывать жене свой сон она к таким вещам
относится слишком серьезно

но я не переставал удивляться тому чем мог этот
сон закончиться

Негодяй ведь спас
меня

тогда я решил не кастрировать
его
может быть
до весны.

ИДИОТ

я думаю эта мысль пришла
когда мне было лет
одиннадцать:
стать идиотом.

я приглядывался
к тем
кого люди называли
«идиотами».

хотя на них и смотрели свысока
казалось что у идиотов
жизнь безмятежней:
никто от них ничего
не ждет.

я представлял себя стоящим
на углу улицы руки в карманах
со слюной текущей изо
рта.

и никто меня не
достаёт.

я стал приводить в исполнение
свой план.

впервые на это обратили внимание
на школьном дворе.
мои товарищи насмехаясь
согласились со мной.

даже мой отец заметил:
«ты все делаешь как ёбаный
идиот!»

и одна из моих учительниц
миссис Гредис с длинными шелковистыми ногами
обратила на это внимание.

она задержала меня после
уроков.

«что с тобой, Генри?
ты можешь сказать мне...»

она обняла
меня руками
а я
обнял
ее.

«скажи мне, Генри, не
бойся...»

я ничего
не отвечал.

«ты можешь оставаться здесь
столько сколько
хочется, Генри.
ты можешь ничего не
говорить...»

она поцеловала меня в
лоб
а я опустил руку
и слегка коснулся
ее шелковистой
ноги.

миссис Гредис была
горячая штучка.

она оставляла меня после
уроков почти каждый
день.

и все меня
ненавидели
но я думаю что тогда
у меня была самая прекрасная
эрекция
среди одиннадцатилетних
пацанов
в городе
Лос-Анджелес.

ТОТ ПИКНИК

запомнился мне.
мы с Джейн ебались уже 7 лет
она была пьяницей
и я любил ее

мои родители ненавидели ее
а я ненавидел своих родителей
это делало из нас милую
четверку

однажды мы отправились на пикник
вместе
на вершину холма
мы играли в карты и пили пиво
ели помидоры и сосиски

они разговаривали с ней как с живым человеком
наконец-то

все смеялись
кроме меня.

позже, уже дома,
дернув виски,
я сказал ей
не люблю их
но это здорово, что они мило с тобой
трепались.

ты придурок, ответила она,
разве ты не заметил?

не заметил чего?

они увидели мой пивной живот
и подумали что я
беременна

ох, сказал я, ну да, вот где наш прекрасный
ребенок.

вот где наш прекрасный ребенок,
согласилась она.

И МЫ НАПИЛИСЬ.

ОТСТУПЛЕНИЕ

для меня это время закончилось.

я чувствовал себя как немецкие войска,
которых по снегу гнали сутулые
коммунисты
в изношенных ботинках,
набитых газетами.

я чувствовал себя так же ужасно.
может даже хуже.

победа была так близка
почти победа.

она стояла у зеркала,
молодая, самая прекрасная из
женщин, что я знал,
расчесывая километры рыжих волос,
а я смотрел на нее.

и когда она приходила в постель,
то становилась еще прекрасней,
и заниматься любовью с ней было чудесно.

одиннадцать месяцев.

а теперь она ушла
так, как они всегда уходят.

для меня это время закончилось

эта долгая дорога назад
и назад куда?

парень, шедший впереди меня,
упал.

я перешагнул через него.

это и его она?

СВОБОДА

она сидела у окна
в номере 1010, в нью-йоркском
отеле Челси,
в старом номере Дженис Джоуплин.
Жара была за сорок
она была на спидях
и одну свою ногу свесила
через подоконник,
потом высунулась и сказала
«боже, так здорово!»
и, качнувшись,
чуть не вывалилась наружу,
успев за что-то схватиться.
но это почти случилось.
она втощила себя внутрь,
прошла и развалилась
на кровати.

я потерял множество женщин
множеством способов
но потерять так
мог бы
впервые.

позже она, перекатившись на кровати,
легла на спину
и, когда я подошел,
уже спала.

весь день она хотела
увидеть статую Свободы.
но сейчас она этим меня не беспокоит,
пока.

ПОЛНАЯ ЛУНА

у красного цветка любви
срезан стебель
страсти
и, одновременно,
отвращения.
занавеска отдернута,
чернеет ночное
небо.
через дорогу
мужчина и женщина
стоят у темнеющей
стены,
вращается
красная луна,
мышь бежит по
подоконнику,
слегка меняя цвета.
я здесь один в рваных ливайсах
и пропитанной потом белой майке.
она сейчас со своим мужчиной
в тени той стены
и так же, как он входит в нее,
я вставляю себе в рот
сигарету.

Я ХОЧУ РУСАЛКУ

если уж говорить о приближающемся безумии
то я с недавних пор постоянно
думаю о русалках.
у меня не получается
правильно расположить их
в своей голове.
этому мешают
возникающие вопросы -
где у них находятся
половые органы?
пользуются ли они туалетной бумагой?
могут ли они стоять
на хвосте
пока жарят яичницу с
беконом?

я думаю
мне бы понравился секс
с русалкой.
иногда в супермаркете
я смотрю на крабов и на маленьких
осьминогов
размышляя
что мог бы угощать ими свою русалку.
но вот как бы мы отправились с ней
на ипподром?

набрав все что нужно
протягиваю на кассе
кредитку.
«как у вас сегодня дела?» спрашивает
она.
«отлично» отвечаю.
она
в униформе продавщицы
в туфлях без каблуков
с сережками
в маленькой кепочке
в колготках.

она начинает считывать
ценники на покупках. я жду
смотря

сквозь витрину
и догадываюсь
где у нее находятся
половые органы.

НАНА

она выебала две сотни мужчин в десяти штатах.
пятеро покончили с собой,
трое сошли с ума.
каждый раз, когда она переезжает в новый город,
десяток мужчин преследует ее.
сейчас она сидит на моем диване
в коротком голубом платье
и кажется
тихой, безопасной, свежей,
даже невинной.
«я теряю интерес к мужчине, -
говорит она, -
как только он начинает проявлять интерес
ко мне».
я снова наполняю ее бокал
пока она снимает платье,
показывая мне свои черные трусики.
спрашивает «разве они не секси?»
я говорю, что да, выглядят секси.
она встает,
идет через спальню в туалет.
вскоре я слышу звук спускаемой воды.
ее зовут Нана и она живет
на земле уже
пять тысяч лет.

ДЕВУШКИ

я смотрю на
один
и
тот же
абжур
5 лет
и на скопившуюся там
холостяцкую пыль
а
девушки приходившие сюда
были слишком
заняты
чтобы смахивать ее

не думаю
что я тоже
чем-то занят
просто обратил
внимание

что свет
стал
более
тусклым
за эти
5 лет.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

его нашли идущим вдоль шоссе
всего
в крови.
взяв ржавую консервную банку
он отрезал себе
причиндалы
словно выкрикнув –
смотрите до чего вы меня
довели? теперь-то хоть
успокойтесь.

он
разложил
причиндалы
по карманам
и двинулся вперед.
в таком виде они его
и нашли.

его доставили
к врачам
попытавшимся пришить
все
назад
но
причиндалам
было
хорошо
и так.

иногда я думаю
о классных задницах
достающихся
всяких чудовищам
в этом мире.

может это был протест
против такого положения вещей
или это был протест
против
всего.

Марш Свободы

единственного человека
не раздавленного
концертными программами
и
баскетбольными
матчами.

Боже, или как там тебя,
благослови
его.

ОНА ПОДЦЕПИЛА ЭТО ВО ВРЕМЯ ПОЛЕТА

эстрадный певец курит пятидесятидолларовые сигары,
выходит на сцену и поет,
а женщины бросают ему свои трусики.
какие-то трусики женщины вынимают из
сумочек, а какие-то снимают
с себя.

он поет любовные песни - и это то, чего хотят
женщины - немного покачиваясь,
страдающим голосом.
не буду сравнивать его с Синатрой,
но они оба принадлежат определенному типу –
от них исходит особое электричество,
и если бы он работал садовником или механиком,
то вполне бы мне нравился.

я знаком с одной стюардессой,
сказавшей, что он свинья. «он затащил
мою подругу, стюардессу, прямо во время полета в туалет
и выебал ее.
и вдобавок наградил ее триппером. после этого
мое отношение к нему изменилось».

ну, вот: с любовью опять что-то не так.
то ради чего мы живем и от чего бываем
счастливы.

вот у меня никогда не было триппера, но
если бы меня закидывали трусами,
возможно, я бы переболел им не один
раз.

и я не думаю, что он настолько ранит своим пением
женщин. просто им хочется именно так за это
платить.

РАЗВОД

однажды
тогда мне было наверное семь
или восемь
мы решили поиграть
в домик.
мы взяли большое одеяло
оттащили его
на задний двор
и повесили на вбитые колышки
потом все вместе залезли
под него.

у каждого из нас была жена.
Фрэнк выбрал Стеллу.
Джин выбрал Джун.
а я выбрал
Шарлин.
у Шарлин были такие синие
глаза
они просто горели
синим светом
и еще она была тихой девочкой
в красном платице.

мои паршивые родители
плохо переносили гостей
и поэтому
мы все решили
спрятаться
под одеялом.
мы с Шарлин
обняли
друг друга.
мы не целовались или чего-то там еще
просто обняли
друг друга
и никогда я не чувствовал себя
так хорошо.
затем все закончилось: на одного
из парней что-то нашло
и он сбросил одеяло
на землю.

это был Джин.
«и какого черта мы здесь
делаем!», заявил он.

Шарлин
поднялась
и я встал с ней рядом
насколько это было возможно
ее синие глаза
смотрели прямо на меня.
«до свидания», сказал я
ей
она же молча снова посмотрела
своими синими глазами.

через пару дней
я сказал Фрэнку и
Джину о том
какие все же чудесные
глаза у Шарлин.

вскоре
Джин
отозвал меня
в сторонку.

«слушай», произнес он
«я никому не говорил
но тебе-то должен
сказать кое-что
о Шарлин»

«что?»

и Джин
прошептал мне
«она носит резиновые
трусы!»

«в самом деле?»

«в самом деле!»

после этого я держался подальше
от Шарлин.

в том смысле
что когда я видел ее
у дверей дома
то проходил мимо.

я больше не мог смотреть на нее.
я проходил мимо так
как будто ее не существовало.

те синие глаза
были ужасными. и это проклятая
ложь.

ПОРТНИХА

моя первая жена сама шила себе платья,
которые я находил милыми.
я частенько видел ее склонившейся
над швейной машинкой,
шьющей новое платье.
мы оба работали и было
отлично, что ей удастся
найти время улучшить свой
гардероб.

однажды вечером, вернувшись домой,
я нашел ее в слезах.
оказалось, что какой-то парень с работы
сказал, что она дурно
и безвкусно
одевается.
добавив, что ее одежда выглядит
«вульгарно».

«ты считаешь, что я одеваюсь вульгарно?»
спросила жена.
«конечно, нет.
кто этот парень?
я вышибу ему мозги!»

«ты не можешь, он мой босс».

она плакала тем вечером несколько
раз.
я, как мог, подбадривал ее и, в итоге,
она успокоилась.

но с этого времени жена новые платья
стала себе покупать.
мне казалось, что они не так хорошо смотрятся на ней,
но она уверяла, что парни с работы
оценили новый
стиль.

поскольку слезы
кончились,
я был доволен.

однажды она спросила меня «тебе больше нравятся мои старые платья или то, что я ношу теперь?»

«ты выглядишь отлично в любой одежде»
ответил я.

«да, но тебе-то что больше нравится?
старые платья или новые?»

«старые», ответил я.

и она снова начала горько
плакать.

у нашего брака и без того
были
проблемы.

когда мы развоились
на ней была купленная
одежда.

но она забрала с собой
швейную машинку
и чемодан, полный
старых
платьев.

СМЫСЛ НЕ ПОСТИГНУТЬ

мы были женаты 30 лет,
сказал он.

а в чем секрет успеха
вашего брака? спросил я.

мы оба выдавливали зубную пасту
из тюбика с самого конца,
ответил он.

на следующее утро,
чистя зубы,
я тоже выдавил пасту из тюбика
с самого конца.

разумеется, тому, кто живет один,
смысл этого действия
не постигнуть.

никогда.

БЕСПЛАТНЫЙ УЖИН

я был неизвестный, голодающий писатель, когда встретил эту прекрасную женщину, молодую, образованную, богатую. я правда не помню, как все закрутилось. она пару раз ненадолго появлялась в моей раздолбаной берлоге. «мне не нужен секс», сразу сообщила она. «я хочу, чтобы все было понятно с самого начала». «окей, никакого секса», согласился я.

однажды вечером я получил приглашение на ужин (угощала она). заехав на новом «порше», она отвезла меня в ресторан.

столик был заказан. это было изысканное место со скрипачом и пианистом.

мы заказали ужин и вино. было тихо. слишком рано для музыки, решил я. красное вино оказалось отличным.

оно закончилось быстро и я заказал еще бутылку.

«расскажи мне о своих книгах», попросила она.

«нет, нет», запротестовал я.

принесли блюда. мне бифштекс и жареный картофель, а ей что-то утонченное. не помню что. мы начали есть.

она болтала. сначала о чем-то незначительном. типа, о художественной выставке. я кивал в ответ.

я был неизвестным, голодающим писателем и моя тарелка быстро опустела.

она начала говорить о жизни Моцарта, медленно кладя маленькие кусочки еды себе в рот.

я налил еще вина.

затем она переключилась на спасение американских индейцев от них самих.

я заказал следующую бутылку вина.

официант забрал тарелки, а она сама попыталась наполнить бокалы, пролив вино мимо.

она объясняла, что у Иммануила Канта был блестящий ум, удивительный и блестящий.

мы сидели и ее голос становился все громче и громче. она говорила все быстрее и быстрее.

затем заиграл пианист, к нему присоединился скрипач.

она повысила голос, перекрикивая музыку.

и вновь вернулась к спасению американских индейцев от них самих же.

у меня разболелась голова. я продолжал слушать ее и боль усиливалась.

она начала объяснять, что на самом деле имел в виду Жан-Поль Сартр.

пианист и скрипач играли все громче и громче, чтобы заглушить ее речи.

в конце концов, я замахал руками и проорал «СЛУШАЙ, ДАВАЙ ВЕРНЕМСЯ КО МНЕ ДОМОЙ!»

она расплатилась и я вывел ее. всю дорогу до дома она болтала. мы припарковались и вошли внутрь.

у меня оставался скотч. я разлил по стаканам, сел на диван, она же села в кресло напротив, продолжая говорить громко и быстро.

она болтала о Вивальди, безостановочно болтала о Вивальди.

на секунду она притихла, чтобы зажечь сигарету, и я сказал

«слушай, я не хочу тебя ебать».

она подпрыгнула, задев свою выпивку, и стала скакать по комнате. «ха-ха-ха! я-то знаю, что хочешь!»

после этого, войдя в состояние какого-то транса, она начала танцевать, держа сигарету над головой. выглядела она неуклюже, тяжело дышала и странно таращи́лась на меня.

«у меня голова болит», произнес я. «хочу лечь в постель и уснуть».

«ха-ха! ты пытаешься затащить меня в койку!»

она села и посмотрела на меня, продолжая тяжело дышать.

«я не позволю тебе выебать меня!»

«пожалуйста, хватит».

«расскажи мне о своих книгах».

«слушай, ты можешь просто уйти и оставить меня одного?»

«ха!», взвилась она опять.

«ха! все вы мужики одинаковы! вы только и думаете о том, как поебаться!»

«да нет у меня не малейшего желания выебать тебя»

«ха! и ты ждешь, что я поверю этому?»

она схватила сумочку и рванула к выходу. открыла дверь и изо всех сил саданула ею.

именно так прекрасная, молодая, богатая, образованная женщина ушла.

ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА

мы все собрались здесь сегодня
чтобы похоронить ее в этом
стихотворении.

она не была замужем за безработным пьяницей
бившим ее каждый
вечер.

ее детишки никогда не носили
сопливые майки
или рваные платья.

прекрасная женщина
просто
спокойно
умерла.

и возможно в чистой грязи этого стихотворения
мы похороним
ее.

ее и ее лоно
ее украшения
ее расчески
ее стихи

и ее бледно-голубые глаза
и ее
ухмыляющегося
пугающе
богатого
мужа.

КЛАССИКА

наша школьная учительница
английского миссис Гредис никогда
не сидела за столом, она освобождала
краешек стола и садилась на него,
скрещивая свои длинные ноги,
а мы смотрели на эти длинные
шелковые ноги,
на эти волшебные лядvei, на
просвечивающую теплую плоть,
когда она поворачивалась и
скрещивала ноги, обутые в черные
туфли на высоком каблуке,
говоря при этом о Готорне, Мелвилле, По
и прочих. мы, пацаны, не слышали
ни слова, но английский был нашим
любимым предметом, и мы ни разу
не сказали чего-то плохого о миссис Гредис,
мы даже не обсуждали ее между собой,
мы просто сидели в классе и
смотрели на миссис Гредис,
и знали, что наши матери
не похожи на нее, и девчонки
из нашего класса не похожи на нее
и даже женщины, которых мы встречали
на улицах, не похожи на нее.
никто не был похож на миссис Гредис
и сама миссис Гредис знала это,
сидя на краешке стола,
сидя напротив двадцати
четырнадцатилетних мальчишек,
которые будут помнить ее
несмотря на войны и годы,
никогда такая женщина не будет смотреть
на нас, что-то при этом говоря,
смотреть на нас, глядящих на нее,
со смешинкой в глазах,
улыбающаяся нам,
скрещивающая ноги
снова и снова,
а юбка скользит, медленно
поднимаясь выше и выше,
пока она говорит о Готорне,
Мелвилле, По и прочих,

пока не прозвонит звонок
в конце урока,
самого короткого урока за день.
спасибо, миссис Гредис,
за то чудесное
преподавание, вы изгнали
из учебы
скуку, спасибо, миссис Гредис,
спасибо вам.

ДВУХОЧКОВЫЙ

Уильям Сароян
женился на одной
и той же женщине
дважды.

это значит
что он должно быть
забыл
что-то
о
первом
опыте.

так или иначе
этим он разрушил
свою жизнь.

но
по правде говоря
для мужчины
есть
множество
других
способов
разрушить
жизнь.

все
зависит от того
кто
заполучит его
первым.

ПРИВЕТ, БАРБАРА

25 лет назад
в Лас-Вегасе
я в первый и последний
раз женился.

мы пробыли в городе
лишь час.
я был за рулем
всю дорогу туда
и обратно
в Лос-Анджелес.

я по-прежнему
не чувствовал
себя женатым
и не
чувствовал этого
еще два с половиной года,
пока она не подала
на развод.

вместо нее появилась
женщина, которая
держала муравьев
вместо домашних животных,
кормя их
сахаром.
она забеременела
от меня.

а потом было
много
других
женщин.

однажды
человек,
появившийся
из
моего
прошлого,
сказал «я могу дать
тебе

телефонный номер
твоей
бывшей жены».

я положил
его
в ящик
туалетного столика.

ночью,
напившись,
я
нашел
номер
и позвонил
ей.

«привет, крошка,
это я!»

«я знаю, что это
ты», ответила она
своим неизменным
холодным тоном.

«как
поживаешь?»

«все нормально»,
ответила она.

«ты по прежнему
живешь
на куриной ферме?»

«да», сказала
она.

«ну,
а я
напился
и решил
тебе
звякнуть».

«ПОНЯТНО. ТЫ
ПО-ПРЕЖНЕМУ ПЬЕШЬ»
СКАЗАЛА ОНА
СВОИМ НЕИЗМЕННЫМ
ХОЛОДНЫМ ТОНОМ.

«ага.
ладно,
давай
прощаться...»

«прощай», сказала
она и повесила
трубку.

я прошелся по комнате
и налил еще
выпивки.
спустя 25 лет
она продолжала
ненавидеть меня.

не думаю,
что я настолько уж
плох.

само собой,
парни, подобные мне,
редко
бывают плохими.

КАНИСТРА БЕНЗИНА

«черт», произнесла Рэн, «у нас кончился бензин!»
это была ее машина и в ней всегда
кончался бензин.
мы ехали по шоссе и Рэн
остановилась у обочины.
мы были в машине с ее десятилетней
дочкой.

«мамочка», сказала девочка «я
хочу домой!»

«заткнись, Адрианна!»

указатель уровня бензина не работал.
у Рэн был собственный способ отмечать
на пыльной приборной панели
показатель наличия или отсутствия
бензина.

я начинал все лучше и лучше
понимать, почему муж решил
развестись с ней.

«ну», засмеялась она, «нам нужно просто
прогуляться.
кажется, я видела где-то здесь
заправку».

мы вылезли из машины и отправились
в сторону от шоссе пробираться сквозь
заросли.
было тяжеловато, но ничего, мы справлялись,
пока не дошли до высокой проволочной ограды.

Рэн в своих заостренных ботинках
начала взбираться наверх.
она забралась наверх, расхохоталась и спрыгнула
на другую сторону.

«теперь твоя очередь», сказала она мне, «и возьми
Адрианну с собой».

«чего?»

Рэн посмотрела на меня сквозь ограждение.
«давай», сказала она, «поторапливайся!»

Адрианна ненавидела меня, она считала,
что это я разлучил ее родителей.

я приподнял ее вверх.
она стала пинаться и извиваться.
руками я держал ее за попку.

«ты жирная жаба!» Адрианна стала плевать.

она ударила меня по лицу.
и у меня встал.
это было отвратительно, Адрианна мне
не нравилась.

«давай, Брэд», сказала ее мать,
«не стой там просто так!»

Адрианна ударила меня снова, а я слегка
двинул ей по шее,
так, чтобы мать не увидела.
«маленькая сучка», прошипел я.

я взял ее одной рукой
и стал взбираться.
ребенок пинался и вертелся.
это была какая-то змея,
а не девчонка.

я больше не мог ее удерживать и мы свалились.

Адрианна упала на меня сверху и врезала
мне в живот.
«ты толстое жабье говно!»

я оттолкнул ее и поднялся.
«слушай, Рэн», сказал я, «ничего
не получится, она слишком большая!»

«ладно, оставайся там и следи за ней,
а я пойду за бензином!»

и Рэн побежала к
заправке.

Адрианна посмотрела на меня.
«а что это, жаба, торчит у тебя
в штанах?»

«да, так. слушай, а давай играть
в прятки!»

«нет, не хочу я играть в прятки с тобой!
Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!»

«давай тогда драться! если ты так ненавидишь,
тогда бей меня, сдачи я давать не буду».

«обещаешь?»

«обещаю!»

я опустился на колени, а она подошла
ближе.
Адрианна сжала свои маленькие кулачки
и начала меня дубасить.

«жаба! жаба! жаба!»

у нее отлично получалось, и мне было больно.

«теперь давай бороться», предложил я.

я схватил ее и мы стали кататься
по траве.
Адрианна вопила, хватала меня за волосы
и плевала в лицо.

мы продолжали кататься.

затем я прижал ее к земле и оказался
сверху.

«теперь ты ничего не можешь сделать»,
сказал я.

«слезай с меня!»

«а если не хочу?»

«слезай с меня!»

«а если...»

«вон идет мама!»

и, правда, я увидел Рэн, возвращающуюся с канистрой бензина. она была еще далеко, но я поднялся.

«я скажу маме, что ты делал мне больно!»

«нет-нет, Адрианна! слушай, если ты не скажешь, я дам тебе пять долларов!»

«целых пять долларов?»

«да, но пообещай, что никогда не расскажешь!»

«обещаю! гони пять долларов!»

Адрианна взяла пятерку и спрятала ее в трусики. трусики были голубого цвета.

Рэн уже подошла к ограждению.

«Господи, как я заебалась! вот канистра!»

Рэн, все-таки, была крутой.

канистра перелетела через ограждение. а следом и сама Рэн.

«я оставила пять баксов в залог за канистру, но я верну их».

«пять баксов это большие деньги»,
сказал я.

«вот именно», подтвердила Адрианна.

я поднял канистру и мы отправились
через заросли к машине.

«я знаю, ты ссышь, что бензин кончится
снова», сказала Рэн.

«точно»

«не злишься?»

«да, нет...»

время шло к вечеру
и шоссе было похоже на Стикс, по которому плыли
жесть, сталь и несчастные люди.

а счастливая Адрианна бежала впереди нас,
пела какую-то детскую песенку
и перепрыгивала через кустики.

ЖЕНЩИНА ИЗ ГЕРМАНИИ

каждую третью-четвертую ночь
мне звонит женщина из Германии.

ее звонки не долгие:

«привет», говорит она, «это я».

а я никогда не спрашиваю ее имя.

«что делаешь?», спрашивает она.

«пью белое вино

и печатаю».

«ты всегда это говоришь».

«значит, все на своих местах».

«а у меня какое-то красное вино. как
дела?»

«по большей части плохо», говорю я, «все
обычно заканчивается плохо».

«у меня тоже», отвечает она.

«печально, правда? хочется все бросить».

«а я не могу все бросить»

«хорошо. думаю, что и я не смогу».

«я иду спать. спокойной ночи»

«спокойной ночи», говорю я.

и у меня получается увидеть ее в той комнате. у меня
получается увидеть, как она вешает трубку. теперь вот она
гасит свет. сдергивает покрывало, глубоко вдыхает и выдыхает.
ей печально. стены укутывают ее. она одинока.
и хочется узнать, как ее зовут.

ЛИЛОВЫЙ СВЕТ

я вижу туфли на высоком
каблуке и увядшую белую розу,
что лежит на стойке бара
словно сжатый кулак.
заставляет ли виски биться сердце чаще,
помогает ли оно
мозгам и бывает ли весело от боли,
появляющейся от смертоносного жужжания
существования?

я вижу
обнаженную танцовщицу, мелькающую
на стойке бара,
трясущую тем, что она считает
волшебством,
а еще лица, поднятые
вверх,
над стаканами.

и я среди них? нет, черт,
мне совершенно наплевать
на нее, но я люблю гул пульсирующей,
громкой музыки
в лиловом свете. что-то в этом
есть: мне всегда становится
здесь лучше.

я смотрю на нее, лиловая
куколка такая
печальная, такая дешевая, да, такая
печальная, тебе никогда не захочется
ни то, что к ней в постель, но даже
поговорить с ней не захочется, но в этом
пропитом месте тебе хочется
протянуть ей сердце,
сказать
прикоснись,
а затем
отдернуть руку.

она танцует так отчаянно в этом
лиловом свете,

лиловый для меня странный цвет:
30 лет назад
я напился
ночью рядом с маленькой церковью,
снаружи которой стояла
стеклянная шкатулка
с лиловым Христом, я разбил стекло,
протянул руку и коснулся
Христа, но
Он оказался простой куклой и я
сбежал, услышав
сирены.

ну, мои мозги изменились с того времени,
мне помогает пишущая машинка, но не могу же я
печатать безостановочно, поэтому обнаженная
танцовщица разбивает прямо сейчас мне сердце, которое
давно потеряно, и я, не понимая зачем,
начинаю раздавать деньги в баре,
я даю пятерку тому парню,
десятку тому, думаю, что может это
расшевелит их мозги,
но они даже не говорят
«спасибо», они принимают меня за
долбоеба.

подходит управляющий и говорит,
что с меня 86 баксов, я протягиваю
ему двадцатку,
он берет.

двое ребят,
сидевших в глубине
зала, помогают мне подняться
и выводят из бара.
все кажется смешным
для меня,
но не для них.

где твоя машина?

где твоя ебаная
машина?

я отвечаю, что

не знаю.

да ты совсем пиздец, говорят
они
и оставляют меня
одного
на ступеньках.

зажигая спичку и закуриваю,
затем поднимаюсь и начинаю долгую
прогулку, зная,
что через пару часов
машину я найду
(опыт подсказывает),
так же я знаю, что когда
найду, нахлынет
счастье, и это
все, что мне нужно,
чтобы
начать свою жизнь
сначала.

РОЖДЕНИЕ

I.

я читал «Диалоги» Платона,
когда подошел доктор и сказал:

вы все еще читаете заумные
вещи? я со времен
средней школы
подобное не читаю.

а я читаю, ответил
я ему.

ну, у вас дочка, 4 100, никаких
проблем.

черт. здорово. когда я смогу их
увидеть?

вас вызовут. спокойной
ночи.

II.

я снова присел, держа в руках Платона. рядом 4
человека играли в карты. у одной из женщин были
красивые ноги и, пока она не прикрыла их синей
кофтой, я пялился на них.

III.

я поднялся по лестнице. мне показали существо через стекло.
оно было красным, как вареный краб, но оно было крутое. оно
будет что-то делать, оно будет на что-то смотреть.

эй, Платон, смотри: еще одна распутница!
я могу ее встретить теперь воскресным полднем,
покачивающейся в тугой юбочке,
заставляющей нутро парней с бульваров
петь.

я помахал девчужке и
медсестре.

IV.

моя женщина была еще
под наркозом, но я сказал ей

еще одна прекрасная женщина явилась!
сжал кулаки до размеров маленьких яичек,
поднял руки
и заплакал.

медсестра была толстой мексиканкой,
съевшей слишком много тортильи.

было приятно повидаться, милочка,
сказал я ей.

V.

я вернулся в свою хибарку. я сидел и слушал как капает вода
из крана.

я встал, опустил шторы и лег на диван.

я слушал шум колес
на улице.

VI.

за окном послышалось «мяу» и я впустил
кота: трезвого, безразличного,
голодного.

VII.

мы пошли на кухню, два важных мужика,
освещаемых электрической лампочкой,
2 головы, 4 яйца,
владеющие всеми континентами,
возвышающиеся над всеми кораблями, плывущими под парусами,
над всеми женскими штучками и драгоценностями.

я достал кошачий корм и открыл
банку. а Платон отправился в
ящик для ненужных вещей.

ТА МИЛАЯ ДЕВЧОНКА, ЧТО ПРИХОДИЛА МЕНЯТЬ ПРОСТЫНИ

я увидел ее, когда она пришла
поменять постельное белье.

Сент-Луис.

она сказала: ты болен.

я ответил:

да, приболел.

она предложила:

тебе надо чего-нибудь выпить,

я вообще-то пришла поменять белье,

но тебе действительно надо выпить,

дай немного денег

и я вернусь

с выпивкой.

я,

совсем не зная ее, дал денег,

но она вернулась

с алкоголем.

она села в кресло, а я

оставался в постели, и мы выпивали

в тишине.

а потом мы начали болтать,

потом немного смеяться

и я почувствовал себя куда лучше, а она

стала выгладеть куда лучше.

и я сказал:

думал, ты не вернешься.

черт, я же работаю здесь, -

ответила она.

а, вот почему ты вернулась, -

произнес я.

неа, не поэтому, -

сказала она.

и

мне это понравилось.

плохо помню, как так получилось,

но вскоре мы валялись вдвоем в постели,

курили сигареты и пили

пиво

из тяжелых литровых

бутылок.

и никуда не спешили.

а затем случилось то, что
случается. я до сих пор не понимаю, как это происходит,
но все прошло отлично. мы
поебались.
она встала и закрыла окно, выходящее на юг,
сказав:
вот, что убивает тебя –
выхлопные газы, поднимающиеся с авеню,
и выпивка, и я могу защитить тебя
хотя бы от выхлопных газов.
мы расхохотались, она вернулась в постель, мы
болтали о какой-то ерунде, курили, а потом она
встала, сказав, что
пора идти.
она жила подо мной с каким-то парнем.
я сказал – пока,
и она ушла.
я посмотрел на кресло
и увидел чистые белые простыни.
она забыла поменять их.
я встал и
поменял простыни для нее.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

я не помню, сколько нам тогда было:
должно быть, где-то между 5 и 7 годами,
мне и соседской девочке.

я помню ее имя: Лиля Джейн.

ежедневно она делала так –
спрашивала меня:

«ты готов?»

я отвечал, что да,

и она поднимала свое платьице,
показывая трусики, которые
каждый день были разного цвета.

несколько десятилетий спустя она как-то нашла меня
и пришла со своим другом,
каким-то парнем, курившим трубку.

он читал мои книги.

она высоко закинула свои длинные прекрасные ноги,
высоко,

но не настолько, чтобы я видел ее трусики.

и когда они уже были готовы уйти,

я крепко ее обнял,

пожал руку ее парню,

и никогда больше в жизни не увидел ни его, ни ее,

ни ее трусики

снова.

СУП, КОСМОС И СЛЕЗЫ

я знал безумных женщин,
но самой ебанутой из всех была
Аннет.
кажется, чем лучше их тела
и чем лучше они ими владеют,
тем они
безумней. Аннет всегда жила
с китайцами,
но я их никогда не видел,
что пугало,
ведь даже мафия боится китайцев.
«где твои драконы, малышка?»
«да все нормально. они знают, что ты хороший»
«ты уверена? когда они решат поставить крест
на тебе,
будет поздно».
«я говорила им, что ты хороший. а этого им
достаточно».
Аннет воскуряла фимиам,
любила странные книги и все виды карт,
она все время говорила о богах,
с богами у нее была прямая связь.
«ты был выбран богами», объясняла она
мне.
«клево, малыш, только
давай об этом потом».
«нет, прямо сейчас. я хочу, чтобы ты попробовал особый суп,
что я сварила».
«особый суп?»
«да, съев его, ты унаследуешь силу
земли, солнца и всего
космоса».

я отправился есть суп. положила руку на сердце, вкус был
вполне, хотя по виду суп походил на ржавчину. даже не спрашивайте,
что за хуйню она туда добавила. я
доел.
«чувствую себя человеком
из стали».
«ты унаследовал силу», сказала она, «боги гордятся
тобой».
в итоге, я повалил ее на
диван. под просторным оранжевым платьем

пряталась женщина, способная прикончить
быка.

«я жила в том отеле в Париже», произнесла она. «я спала со всеми
ими. Берроузом и его бандой.

я была у Паунда на St. Liz.»

«ты спала с Эзрой?»

«чаще, чем с другими!»

«ох, ни хуя себе!»

«давай», засмеялась она, «шевелись».

это был хороший

суп. тем парижским парням

и Эзре досталась отличная

кобылка.

я скатился

с дивана.

она вышла из ванной,

держа в руках бутылку, и начала обрызгивать
меня

ее содержимым.

«эй, что ты творишь?»

«это слезы

богов».

«слезы богов?»

«да, слезы

богов».

я так и лежал, пока бутылка
не кончилась.

затем встал

и оделся.

«когда я тебя теперь

увидю?»

«в 2 часа,

завтра».

я вышел за дверь.

«ты уходишь, словно

стихотворение», произнесла она.

«увидимся в 2

часа», ответил

я

и закрыл дверь. в наши времена
прежде, чем кому-то вставить,
надо сто
раз
подумать.

ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ

впервые в публичном доме я побывал
в Тихуане.
это было большое здание
на окраине города.
мне было 17, со мной было двое друзей.
мы
напились
для храбрости
и вошли.
место было забито
военными,
большой частью
моряками.
моряки стояли
в длинных очередях,
кричали
и колотили в двери.

Лэнс встал в короткую
очередь (по длине очереди можно было
вычислить возраст шлюх: чем очередь была короче,
тем старше была
шлюха).
вскоре Лэнс вышел и
ухмыльнулся нам
«ну, чего ждем,
пацаны?»

другой парень, Джек, протянул мне
бутылку текилы, я взял ее,
сделал глоток и вернул бутылку,
Джек тоже отхлебнул.

Лэнс посмотрел на нас: «я буду
в машине, посплю
пока».

мы с Джеком подождали, пока
он не ушел,
и тоже двинулись к
выходу.
Джек был в большом
сомбреро.

прямо у выхода
в кресле сидела
старая блядь.
она вытянула ногу,
преграждая нам
путь: «да бросьте, мальчики, я сделаю
для вас это качественно
и дешево».

этим она напугала
Джека и тот
сказал: «господи, меня сейчас
ВЫРВЕТ!»

«ТОЛЬКО НЕ НА ПОЛ!» заорала
блядь,
и Джек, сорвав
с головы
сомбреро,
стал держать его
перед собой,
словно намереваясь наблевать туда
целый галлон.

он так и стоял,
держа
сомбреро
и шляха
сказала: «убирайся
отсюда!»

Джек вышел за дверь
со своим сомбреро,
а старая блядь,
посмотрев на меня очень
по-доброму, сказала:
«дешево!» и я пошел
следом за ней в комнату.
там в кресле сидел
огромный толстяк.
я спросил «а это
кто?»,
на что шляха ответила «он
следит за тем, чтобы
меня не обидели».

я подошел к мужику
и сказал «привет, как
сам-то?»

«отлично, сеньор...»
отозвался он.

«ты живешь здесь
что ли?»

«дай
ей
денег».

«сколько?»

«два доллара».

я протянул женщине два
доллара
и вернулся к
мужику.

«я могу приехать и
остаться жить в Мексике»
сказал я ему.

«а ну-ка уебывай
отсюда
СЕЙЧАС ЖЕ!»

когда я
вышел
Джек ждал меня
уже без
сомбреро,
но его
по-прежнему
качало от выпивки.

«господи», сказал я, «она
была великолепна, она реально взяла
мои яйца
в рот!»

мы пошли к машине.
Лэнс был в отключке,
мы разбудили его и
он увез нас
оттуда,
сидя за рулем
до
границы
и
весь остальной путь
до Лос-Анджелеса.

мы подтрунивали над Джеком,
который так и не расстался
с девственностью.
Лэнс делал это довольно
вежливо,
я же громко
унижал Джека за то, что у него
не хватило смелости.
я продолжал делать это
пока Джек не отключился
где-то в районе
Сан-Клементе.

я сидел рядом с
Лэнсом и мы передавали
друг другу последнюю бутылку
текилы.

когда показался
Лос-Анджелес
Джек спросил меня «ну, а как
было-то?»
и я ответил
как искушенный
человек: «бывало и
лучше».

ДЕВЧОНКИ, КОТОРЫХ МЫ ПРОВОЖАЛИ

в средней школе самыми красивыми девочками были
Ирэн и Луиза,
сестрички;
Ирэн была старше на год, немного выше,
но выбрать кого-то из них было
трудно;
они были не просто милашками, они были
удивительно красивы,
красивы настолько,
что мальчишки держались от них подальше;
Ирэн и Луиза,
не обращавшие на них никакого внимания,
внушали страх;
они были одинаково дружелюбны ко всем
и
одевались немного
по-другому, отличаясь от других
девчонок:
они всегда были на каблуках,
носили шелковые чулки,
блузки и
юбки,
и меняли одежду
ежедневно;
однажды в полдень
мы с моим приятелем Болди шли за ними
от школы до дома;
мы были, типа,
плохие парни на районе,
что было
более или менее
объяснимо;
и это было чем-то особенным:
идти в десяти-двенадцати футах позади них;
мы ничего не говорили,
мы просто шли,
глазея
на их возбуждающие
покачивания
бедер.

нам нравилось это так сильно, что мы
шли за ними от школы до дома

каждый
день.

когда они заходили в свой дом,
мы останавливались,
закуривали и болтали.

«придет день», говорил я Болди,
«и они пригласят нас внутрь,
а потом выебут
нас».

«ты и вправду так думаешь?»

«а то!»

сегодня,
спустя 50 лет,
я могу сказать,
что они нас так и не пригласили.
можете не верить историям,
что парни рассказывают друг другу;
но подобные мечты
поддерживали нас
тогда
и продолжают поддерживать сейчас.

ЖЕНА МЕРТВОГО ПОЭТА

она говорила мне, что я бесчувственный,
что я не почитаю Бога и не люблю
животных. «даже у мух есть души»,
сказала она мне.

мы были в комнате мотеля в Лагуна
Бич. у нее был лишний вес,
как, впрочем, и у меня, и, возможно,
среди великой окружающей природы вещей
у нас у обоих все же были души.
как у мух.

я поднял стакан
и осушил его.

«дерьмо», сказала она, «Уильям тоже пил слишком
много. разве ты не знаешь, что жизнь может быть
прекрасной?»

«да, потому я и пью».

«ты не любишь красоту природы?» спросила
она. «неужели ты никогда не думаешь о чуде
рождения?»

«я думаю о чуде смерти».

«я думала, что ты великий поэт»,
произнесла она, «но теперь, встретив
и узнав тебя лучше, я так больше не считаю.
больше я не буду
ебаться с тобой».

«а у меня и нет желания с тобой
ебаться. и ты об этом знаешь»,

было 3 утра и я вышел из комнаты,
держа полный стакан в руке.
на мне были только шорты.
я допил стакан и отправился
к бассейну. ни один из огней
не горел. тут же появился менеджер,
когда я начал плавать по-собачьи в темноте.

«какого хера ты делаешь?», заорал
он.

«включи свет», заорал в ответ я.

свет зажегся, я поплавал еще
минут пять, вылез и пошел назад
в комнату.

она лежала в постели спиной ко мне.

я лег со стаканом и уставился
на свои торчащие ноги.

я решил, что у меня самые красивые
мужские ноги на земле.

затем свет у бассейна погас и единственное,

что я мог видеть, это была моя тлеющая сигарета.

я подумал, что среди великой окружающей
природы вещей у нее тоже должна быть
душа.

ОПЕРАТОР

телефон не звонил.
час шел за часом.
каждый был с кем-то
другим.

казалось, это никогда не закончится.

один из вечеров был особенно невыносим.
мне нужен был хоть чей-то голос.

я позвонил по номеру,
где объявляют точное время, и
слушал женский голос:

«одиннадцать часов десять минут десять секунд.
одиннадцать часов десять минут двадцать секунд.
одиннадцать часов десять минут тридцать секунд...»

затем она
произнесла:
«одиннадцать часов десять минут сорок секунд».

не уверен, но, кажется,
она спасла мою жизнь.

МУЖЧИНЫ БЕЗ ЖЕНЩИН

в конце концов,
расстроенный высокими расценками
на отношения с женщинами,
он привязал свои ноги
к спинке кровати
и делал попытки дотянуться
ртом
до
своего
члена:
был близок,
но ни разу не удавалось.
очередная
подлость
природы.

в итоге,
разозлившись, он сделал
последнюю безумную
попытку.

что-то треснуло
в спине,
а в мозгу
вспыхнуло
синее пламя.

через 45 минут
агонии
он
сполз с постели
и попробовал
встать.
каждая попытка
сопровождалась
сотней ножей,
вонзавшихся в его спину
и душу.

на следующий день
он
поехал
к доктору.

он сидел за рулем,
низко согнувшись,
смотря,
не поворачиваясь,
в ветровое стекло.

«как такое случилось?»
спросил
его
доктор.

он все
откровенно
рассказал доктору,
потому что посчитал,
что только правдивая
информация
даст реальный шанс
полного
исцеления.

«что?» переспросил
доктор. «вы
шутите?»

«нет, все так и
произошло».

«пожалуйста, извините меня,
я сейчас
вернусь».

повисла мертвая
тишина.
потом он услышал
за закрывшейся дверью
приглушенный смех
доктора
и его медсестры.
смех становился
громче.

так он и сидел там, в кабинете,
глядя в
окно, за которым находился парк

с прекрасными, раскидистыми деревьями.
был чудесный летний полдень
со множеством птиц
и по какой-то странной причине
ему захотелось целую чашу
холодного винограда.

смех за дверью
стал стихать
и постепенно исчез,
а он
продолжал ждать.

НИЧЕГО КРОМЕ ШАРФА

давным давно, очень-очень давно, когда
я пытался писать рассказы,
существовал журнальчик, печатавший
добропорядочные произведения,
а его женщина-редактор обычно присылала мне
ободряющие отказы,
поэтому я решил
почитать ее ежемесячник в публичной
библиотеке.

я заметил, что она ставила
каждый месяц
центральным рассказом номера
одного и того же писателя,
и это выводило меня из себя, потому что я знал,
что могу писать лучше этого
парня.
его произведения были легкими и светлыми, но
не были на краю.
можно сказать, что его никогда не тыкали носом
в жизнь, он только
скользил по ней.

и еще одна вещь - этот конькобежец был
известен.

он начинал копировальщиком
в одном из крупных нью-йоркских
журналов
(ну, вот как, твою мать, люди получают такую
работу?)

затем он стал появляться в некоторых
женских журналах
и в некоторых уважаемых литературных
изданиях.

позже, после первой парочки книжек,
вышел небольшой томик с милой
новеллкой и он стал по-настоящему
известен.

это была история о высшем обществе и

молодой девушке, и она была
восхитительна, очаровательна и немножко
озорна.

Голливуд быстренько забабахал по ней
фильм.

затем писатель прыгал по голливудским
вечеринкам
несколько лет.
мне попадались его фото снова и снова:
маленький эльфоподобный мужчина в огромных
очках.
и на нем всегда был длинный эффектный
шарф.

но вскоре он вернулся в Нью-Йорк и побывал на всех
тамошних вечеринках.

после этого он ходил на все важные вечеринки годами
и
на те, что были не очень
важными.

постепенно он перестал писать совсем и жил
этими вечеринками.

он напивался до беспамятства почти
каждый вечер.

его некогда стройная фигура утолщилась
в два раза.
его лицо отяжелело и он уже не выглядел
юным сообразительным мальчишкой с сомнительным
остроумием и больше напоминал
старую жабу.

а шарф по-прежнему был на виду, хотя его шляпы теперь
были огромными и сползали
на глаза;
все замечали его
кривую,
зловещую
ухмылку.

дамы из высшего общества все еще любили
таскать его по Нью-Йорку -
по одной на каждой его руке - и
продолжать спаивать, чему он не сопротивлялся
и, в итоге, не дожил до спокойной старости.

он
умер
и был быстро
забыт.

пока кто-то не нашел то, что, как утверждали, было его секретным
дневником/романом.

все знаменитости
Нью-Йорка были очень
взволнованы.

они и должны были волноваться, потому что с
публикацией вывалилось все
грязное белье.

но я по-прежнему утверждаю, что он никогда по-настоящему
не знал как писать; когда
что и
о чем.

изящный, тонкий
шарф.

даже спустя столько лет, прочитав
один его рассказ
из упавшего на пол журнала,
я подумал,
Господи Иисусе, если это то, чего они
хотят,
отныне
я с таким же успехом буду писать
для крыс и пауков,
для воздуха
или для самого себя.

что, собственно, и
делаю.

МАГАЗИН "ВСЕ ЗА ПОЛЦЕНЫ", ПОЛПЯТОГО

женщина передо мной
покупала четыре пары трусов:
желтые, розовые, голубые и оранжевые.
дама за кассой взяла
трусы
и посчитала их:
раз, два, три, четыре.
что-нибудь еще?
спросила она женщину, покупавшую
трусы.
нет, это всё, ответила та.
сигареты или еще что?
нет, это всё.

женщина за кассой
пробила чек,
посчитала деньги,
дала сдачу,
бросила взгляд куда-то
вдаль,
затем, склонившись за прилавок, достала пакет
и положила туда трусы,
по очереди -
сначала голубые, потом желтые,
оранжевые и розовые.

дальше взглянула на меня:
как ваш денёк?
прекрасен, ответил я.
что-то еще?
сигареты?

все, чего я хочу, это то, что вы видите перед
собой.

мазь от геморроя,
слабительное
и коробок со скрепками для бумаги.

она пробила, взяла деньги, дала
сдачу, упаковала вещи, протянула
мне,

не произнеся - хорошего дня.

и вам тоже,
ответил я.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БОЛТОВНЯ

мой приятель Том любил заглянуть
ко мне со словами «пошли выпьем кофе».
и моя подруга говорила «вы, ребята,
снова отправляетесь трепаться о литературе?»
и мы шли в то место, где платишь
только за первый кофе, а дальше тебе подливают
бесплатно,
мы сидели у окна и он
начинал:

Хемингуэй, Фолкнер, Фитцджеральд, Дос
Пассос - в основном - но другие тоже
упоминались: каммингс, Эзра Паунд, Драйзер,
Джефферс, Селин и т. д.
признаю, что в основном был
слушателем, но все время задавался вопросом,
к чему же он клонит,
но продолжал слушать и
пил кофе, чашка
за чашкой.

однажды он сказал «слушай, я отвезу тебя
туда, где жил Фитцджеральд
во время своего голливудского периода».
«хорошо», согласился я, сел в его
машину и он отвез меня,
указав:

«Фитцджеральд жил здесь».
«хорошо», сказал я и он отвез нас
назад пить кофе.

Том был по-настоящему восхищен этими
литературными фигурами прошлого.
я до некоторой степени тоже,
но Том все говорил и говорил
о них,
а кофе все не заканчивалось
и мой интерес угасал, совсем
угасал.
я начал думать, как бы избавиться от
Тома.

и это было просто.
однажды я написал стихотворение о Томе,
его опубликовали и он
прочел,

и мы
больше не наслаждались кофе
вдвоем.

Том работал над
моей биографией,
но бросил.
затем другой писатель стал сопровождать меня,
он пил мое вино
и не говорил о Хемингуэе,
Фолкнере, Фитцджеральде и т. п.
а говорил только о себе
и в итоге написал средненькую
биографию обо мне.

я должен был остаться с Томом.

нет, я должен был избавиться от них
обоих.

что в итоге и
сделал.

СЛИШКОМ РАНО!

есть такой тип людей,
что звонят в семь утра человеку,
когда он безнадежно болен, ну, или у него
похмелье.

всегда приветствую
этих идиотов
парой
ласковых
и с грохотом
швыряю
трубку,

зная, что их
утреннее усердие
означает то, что
они рано легли спать
и,
таким образом,
проебали
предыдущую
ночь.

(и скорее всего
проебали дни, недели и
годы).

как они себе
представляют,
что
я хочу
общаться
с ними
в семь утра,
это же
оскорбляет
разумную жизнь
какая бы она
ни оставалась
в нашей уменьшающейся
вселенной

НУ, ПРИВЕТ!

когда смерть придет с последним холодным поцелуем,
я буду готов
(я уже получил свою долю
смертельных
поцелуев)
безумные дамочки, помогавшие мне
уничтожать часы
и годы,
давно подготовили меня
ко тьме.

когда смерть придет с последним холодным поцелуем,
я буду готов:
просто еще одна блядь,
пришедшая,
чтобы встряхнуть
меня.

ДАМАМ, КОТОРЫХ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕТ

это же хорошо

вы бы видели меня

едущим на скачки

маленький немецкий флаг украшает заднее
стекло.

не люблю тяжелый трафик
и
еду через закоулки черного
гетто.

годы пролетели
быстро.

Смерть сидит рядом
со мной.

мы прекрасная
пара.

мужчина всегда найдет утешение когда за рулем
и когда ждет.

одно из утешений это
то, что мне повезло,
и я так и не остепенился
ни с одной
из дам.

еду дальше, а эта мысль возвращается
и падает к моим ногам.

Смерть поднимает ее,
смотрит на меня,
вздрагивает
и быстро пристегивает свой
ремень безопасности.

СИНЕЕ

синяя рыба, синий вечер, синий нож -
всё синее.

и мои кошки синие: синяя шерсть, синие когти,
синие усы, синие глаза.

прикроватная лампа светит
синим.

внутри меня синее сердце качает синюю кровь.

мои ногти на руках и ногах
синие.

над моей кроватью проплывает
синий призрак.

даже вкус во рту
синий.

я одинок, я умираю
и синею.

ВСЁ РАНИТ

когда вы состаритесь как я, то не сможете не думать о смерти; будете знать, как она приближается с тиканьем часов: старпер типа меня может уйти за секунду от инсульта, рака или еще чего.

в то время как молодой думает о том, где найти задницу, старик думает о смерти.

в то же время, возраст учит быть благодарным маленьким вещам: скажем, вы смотрите на грейпфрут как никогда до этого не смотрели, или на мост, или на собаку, да даже просто стоя на тротуаре, вы понимаете, что никогда по-настоящему не видели всего этого.

и все вещи вокруг вас внезапно кажутся новыми.

мир теперь похож на цветок, пусть и уродливый.

и проезжая бульвары, вы видите людей в машинах и думаете: каждый из них в итоге должен умереть.

не странно ли, что каждый из них в итоге должен умереть?

затем (мне часто везет) я забуду о смерти. я забуду о том, что стар.

я снова буду чувствовать себя на 45. (я всегда чувствовал на 45, даже когда мне было 16).

пока кто-то поливает маленькое растение в горшке, пока самолет с яростным взрывом врзается в гору, пока в глубине моря движутся странные существа, поэт остается прикованным к своему беспомощному "я".

ДУШИ МЕРТВЫХ ЖИВОТНЫХ

после скотобойни
я садился в баре,
что был за углом,
и смотрел
на закат солнца
через окно, в котором был виден
высокий сухой бурьян.

я никогда не принимал душ после работы
с другими
работягами
и пах потом и
кровью.
запах пота становился
меньше,
а запах крови начинал бурлить и
набирать силу.

я курил и пил пиво,
пока не начинал чувствовать себя
ГОТОВЫМ
к совместной поездке на автобусе
с душами всех этих мертвых
животных;
головы слегка поворачивались ко мне,
женщины вставали и
отсаживались.

я выходил из автобуса,
проходил один квартал,
поднимался на один этаж в свою
комнату,
включал радио,
зажигал сигарету
и на меня больше никто не обращал
внимания.

МАЛЕНЬКАЯ АТОМНАЯ БОМБА

о, просто дайте мне маленькую атомную бомбу,
не слишком большую,
просто маленькую,
такую, чтобы прикончить одну лошадь на улице,
хотя и нет никаких лошадей на улице.

ну, такую, чтобы выбить цветы из вазы,
хотя я и не вижу никаких
цветов
в вазе.

такую, чтобы
напугать мою любовь,
хотя у меня и нет никакой
любви.

ну,
дайте мне атомную бомбу, чтобы
искупать ее в моей ванне
как грязного любимого ребенка

(ванна-то у меня есть)

просто маленькую атомную бомбу, обычную,
курносую,
с розовыми ушками,
пахнущую как нижнее белье
в июле.

думаете, я ебанулся?
думаю, ебанулись
вы тоже
и думаете:
пришлите мне ее быстрее,
пока кто-то другой
не сделает это.

ТВЕРДОКАМЕННЫЙ МАРТИ

ему почти 80 и на днях они
отправились к нему
в гости. он сидел в кресле
с пледом грубой вязки
на коленях
и, когда они вошли,
первым, что он произнес, было
«Не трогайте мой член!»

у него был галлон
калифорнийского
в холодильнике, он отходил
от
пятидневки
с текилой.

новое пианино за 600 баксов стояло в центре
комнаты,
он купил его для
сына.

он всегда звонит мне, чтобы я приехал,
но когда я приезжаю,
становится очень скучно. он соглашается со
всеми, что я говорю, а
затем
засыпает.

Твердокаменный Марти.
когда меня нет рядом,
он
поджигает диван,
ссыт себе на живот
и поет национальный гимн.

он заказывает девочек и
брызгает на них
сельтерской водой, он
перерезает телефонный шнур
на стене,

но перед этим
звонит в

Париж,
Мадрид,
Токио,

он бьет собак,
кошек,
людей
своим
серебряным костылем,

он рассказывает истории о том,
как был
матадором,
боксером,
сутенером,
другом Эрни,
другом Пикассо,

но во время моих визитов
он засыпает
в своем кресле,
седые волосы
колышутся над
тихим,
глупым, ястребиным лицом.

его сын начинает говорить
и, значит, наступает время
мне
уйти.